

16+

ДАНИЕЛЬ БРЭЙН
ШКОЛА
ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Даниэль Брэйн
Школа прошлой жизни

«Автор»

2020

Брэйи Д.

Школа прошлой жизни / Д. Брэйи — «Автор», 2020

Я работаю в Школе Лекарниц — унылом прибежище для бедных сирот. Глухомань, ветра, сырость и холод, равнодушные преподаватели и я, обычный администратор и совсем никудышный маг. Погибла студентка — несчастный случай, сказал старый жандарм. Едва избежала смерти директор Школы. А затем... Трагедии следуют одна за другой, и я начинаю задумываться: кто будет следующим? Все это похоже на стечение обстоятельств, очень похоже на стечение обстоятельств, я пытаюсь найти объяснение этим странным смертям, и внезапно я узнаю, что всему виной древнее зло. Викторианский детектив в фэнтези-антураже.

© Брэйи Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	27
Глава восьмая	31
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Даниэль Брэйи

Школа прошлой жизни

Глава первая

Когда мне становилось невыносимо холодно, я закрывала глаза и представляла, как горячая кровь проникает до самых кончиков пальцев, неся с собой спасительное тепло.

Не сказать, чтобы озноб отступал полностью – было немного легче. Магии моей хватало ненадолго, так, чтобы руки перестали трястись.

Я плотнее запахнулась в мантию, наклонилась, пошевелила кочергой начавшие затухать поленья. Камин пахнул жаром, но прогреть стылый дом, наверное, было под силу только пожару. Тем более сейчас, когда ветер то и дело швырял в помутневшие окна пригоршни крупных дождевых капель и проникал в комнату через неведомые щели в каменной кладке.

В Дессийских Перевалах зима шесть месяцев в году, сырая, ветреная и промозглая. Иногда из низких грязных туч лепит снег, влажный и неприятный, он быстро тает, и на земле остаются лужи. Потом они подмерзают, и тогда невозможно ходить. И ветер, непрекращающийся западный ветер, который того и гляди сорвет черепицу с крыши или повалит пару деревьев. Еще холод, но к холоду я притерпелась, особенно с помощью нашего смотрителя Фила. Я просто имею в виду, что он обеспечивал нас дровами, чтобы в камине горел огонь. Этот кабинет хотя бы отапливался, исключение, сделанное для директора Школы.

В том, что ты временно исполняешь директорские обязанности, есть свои плюсы.

За окном была ночь, передо мной лежала куча работы. В прямом смысле куча – несколько классных журналов, которые мне необходимо внимательно просмотреть, а потом выписать в отдельный реестр студенток, чья успеваемость совсем уж плачевна, и штук пятнадцать служебных записок от преподавателей. Слава Сушим, они касались моей привычной работы администратора, а не требовали немедленного вникания в какие-то вещи сложнее.

Мои прямые обязанности просты. Вовремя закупить провиант и учебные материалы, рассчитать, чтобы всего хватило до весны с небольшим запасом. Проследить за ремонтом, рассчитаться с поставщиками и строителями. Обеспечить учебный процесс – расписание, занятость преподавателей, оборудовать классы и спальные комнаты. Все это надо успеть до того, как дороги будут закрыты. Работы много, но я не жаловалась: в любом другом месте я делала бы что-то одно, здесь я изучала на опыте все, что только возможно, и, конечно, это должно мне зачесть в будущем. Когда я, к примеру, подам заявление на вакансию администратора в Доме Правительства или в Центральной государственной клинике.

Сейчас забот у меня прибавилось: классные журналы и отчисление студенток с плохой успеваемостью повесили на меня. Объективно, потому что я, в отличие от преподавателей, лицо незаинтересованное. Не то чтобы отчислить их нужно прямо сейчас, нет, только весной, когда дороги откроют, экипажи перестанут разваливаться и вязнуть в непролазной грязи. Несколько месяцев, в течение которых мне предстояло следить за студентками, а им – либо исправить свои показатели, либо окончательно все завалить.

До недавнего времени это делала директор. А теперь я, кутаясь в мантию, смотрела на суровые профили Сущей и Сущего, по местному обычаю прося их даровать директору здоровья как можно скорее. Судя по тому, что новостей из столицы не поступало, Сущие не слишком прислушивались к моим робким мольбам.

Госпожа Рут Рэндалл была в почтенном возрасте, когда не проходят бесследно многочисленные ушибы и перелом шейки бедра. До самых экзаменов ждать ее в Школе не стоило. И обеспечить нужный уход мы ей не могли. Я вздохнула, поставила напротив оценки одной

из студенток жирный вопросительный знак и занялась докладными и просьбами, которые я рассматривала как администратор. В дополнительном обогреве класса анатомии отказать... Я сверилась с бюджетом: средств на это нет, а что Кора Лидделл, преподаватель анатомии, мерзнет, так пусть оденется потеплее или на собственном примере покажет студенткам, как должна действовать греющая магия. Для класса концентрации закупить новые маты. Потом, когда дороги откроются, сейчас подождут, у Нэн Крэйг было время, чтобы все заказать заранее.

Я нацарапала две резолюции: за себя и за госпожу Рэндалл, отложила служебные записки в специальный лоточек. Завтра преподаватели их разберут и прибегут ко мне выяснять отношения. А я опять им скажу, что денег нет и доставить уже ничего не успеют. Все заявят, что на меня некому жаловаться, и снова начнутся разговоры о том, как могла госпожа Рэндалл свалиться с лестницы. Как? Да легко, если с потолка натекала огромная лужа, а директор ее в темноте не увидела.

И вообще состояние Школы требовало ремонта... А денег – денег на это не было.

Я встала, подошла к окну, выглянула наружу, ничего во тьме не увидела толком. Прямо перед парадным подъездом болтался на кривом столбе одинокий бледный фонарь, и света он давал слишком мало, его мотало ветром из стороны в сторону, он ударялся о столб, выхватывал очертания стен и деревьев из темноты... Из-за этого фонаря и произошел второй несчастный случай. Это было до того, как госпожа Рэндалл попала в больницу, может, поэтому жандармы ко мне и не придирались: смету на ремонт перед учебным годом она сократила, а ведь я включила туда этот проклятый фонарь.

Выходить с наступлением темноты я студенткам, конечно же, запретила. Но фонарь все равно стоило укрепить, а еще лучше – подумать, чем можно заменить ненадежную большую парафиновую свечу.

Я вернулась к столу, быстро набросала служебную записку самой себе и поставила в копию Фила. Старик умел находить необычные решения – он мог и в этот раз подсказать что-то дельное.

Огонь в камине опять начинал угасать. Холод крался из всех углов, работы было еще много. Я наклонилась, подкинула пару поленьев, посмотрела, как пламя облизывает сухое дерево.

Вернуться к делам я не успела – хлопнула входная дверь, потом до меня донеслись голоса. Я прислушалась – Фил и Арчибальд, наш привратник.

– Госпожа директор! Госпожа Гэйн! – Арчибальд такой же старик, как и Фил, даже старше, молодых мужчин в Школе не приветствовали. Он доковылял до кабинета и теперь смотрел на меня с некоторой тревогой. – Там кто-то есть у ворот. Мужчина, говорит, что вы в курсе.

Я потрясла головой. Может быть, это жандармы? Но насчет них мне известно не было. Две недели прошло. Кто может быть еще? Поставщики? В половине двенадцатого ночи? Я задумалась, припоминая график поставок. Нет, все, кто должен был, уже привезли все, что хотели. Ливень сегодня еще приемлемый, через пару дней он начнет лить стеной, такие уж здесь мерзкие зимы.

Может, что-то случилось с госпожой Рэндалл? Все-таки ей уже много лет.

– Он что-то сказал кроме того, что я должна о нем знать? – уточнила я, стараясь не думать о худшем. – Показал что-нибудь?

– Я не впускаю его, госпожа директор! И не отпираю ему. – Арчибальду было необходимо знать, что кто-то за все в ответе, и он выбрал именно меня. – Я могу послать его вон или открыть ворота. А кто будет с ним разбираться, если вдруг что?

«Если вдруг что» в этих стенах – разговор особый. Думать об этом неприятно, если вспомнить, что даже жандарм еле ноги таскал от древности.

– Он что-нибудь говорит? Что-то про госпожу Рэндалл?

– Что вы должны знать о его приезде.

Добиться от старика вменяемого ответа было проблематично. Я вздохнула. Мне не хотелось выходить под ливень и ветер. Но выбора у меня не было.

– Хорошо, Арчи, я сейчас подойду.

Ждать старика не было смысла, тем более что в такую погоду у него начинало ломить кости, а обращаться за помощью он не спешил. Говоря начистоту, в Школе Лекарниц и не могли ему толком ничем помочь, потому что это уже серьезная медицина, а у нас так – принять несложные роды, зафиксировать перелом, перевязать рану. Зная это прекрасно, Арчи лечился подручными средствами, и они его спасали не то чтобы очень. Зато выпить рюмку настойки с Филом он был готов в любой момент, особенно когда я не видела.

Не успела я открыть дверь, как меня обдало дождем с ног до головы, а потом ошпарило ледяным ветром. Мантия вымокла моментально, не успела я сойти с крыльца, ветер сорвал с головы капюшон, за шиворот тут же натекло, и я подумала, что придется мне самой послужить пациенткой для наших студентов. Сейчас это было некстати.

Фонарь в руке еле горел. Фитиль был слабый, но огонь хотя бы не задувало ветром. Видеть он не помогал, я больше щупала мощеную тропку ногами, чем что-то могла разглядеть. Да и смотреть было не на что – одни лужи, хорошо, неглубокие, пока неглубокие, потом они будут по щиколотку. Промокла я быстро, в ботинках захлюпала вода. И почти сразу меня затрясло от холода. Хотелось завернуться в мантию и рвануть обратно под крышу, но возле ворот ждал гость.

Я не боялась. Бояться некого – глушь, вдалеке от дороги, и в теплое время года в Школу мало кто заезжал. Грабить нас незачем, денег нет, а если от щедрот попечителей образуются излишки, все уходит на неотложный ремонт. Здание старое, очень старое, но хорошо, что есть хоть оно. Благотворительные учебные заведения вроде нашего – не Высшая Женская Школа в столице, но пойдти кому-нибудь заикнись.

Идти было чуть больше трехсот ярдов, но я словно тысячу миль пробежала. Юбку я задрала кощунственно, до самых колен, но она все равно намокла. Над крохотной сторожкой Арчи горел фонарь, и в пелене дождя его почти не было видно.

Сквозь шум ливня я различила лошадиное ржание и поморщилась. Лошадей у нас кормить было нечем. Точнее, мы никак не рассчитывали на лишние лошадиные рты, и если на пару дней я могла распорядиться фураж выделить, но больше – нет, как бы меня ни упрашивали.

Чтобы выйти за ворота, нужно пройти сторожку насквозь, и как раз в тот момент, когда я закрыла дверь за собой, расслышала цокот – хлюпанье, скорее – копыт по грязи и скрип колес экипажа.

Я остановилась, не дойдя до двери, ведущей за территорию Школы. Возможно, наш посетитель уехал. Может быть, это просто заблудившийся путник, и Арчи совершенно зря вытащил меня в непогоду. Пока я стояла, вода с меня текла на пол. Я робко кашлянула, выясняя, все ли со мной так плохо или надежда еще есть. Затем я услышала уверенный стук в дверь.

– Кто там? – крикнула я. – Назовитесь!

– Вам должны были обо мне сообщить.

Голос был мужской – и довольно молодой. По ту сторону двери был не старик вроде Фила и Арчи, и это меня насторожило. Я считала, что опасности нет, но могла ошибиться.

– Никто мне не сообщал. Назовите себя.

– Мое имя вам ничего не скажет, – ответили мне из-за двери. – Впустите меня, и я представлюсь вам по всей форме. С кем я говорю?

По меньшей мере это выглядело нелепо. Некто говорил со мной так, словно это я должна была давать перед ним отчет. У меня был один вариант – это все же жандарм, потому что только жандармерия могла прислать кого-то в такую пору и в это время года. Значит, с нашими происшествиями что-то не так.

Я подошла к двери и с трудом открыла засов. Летом он рассыхался, в сезон дождей разбухал, и Фил никак не мог приноровиться и сделать так, чтобы он ходил в пазах без усилий. Я отступила на шаг, и дверь гость распахнул самостоятельно. Он не только стучал уверенно, но и входил как домой.

Я сделала еще один шаг назад и подняла фонарь выше, рассматривая наглеца. Высокого роста, довольно молод, может быть, лет тридцать пять, тридцать шесть. Отправить в Школу мужчину такого возраста могла жандармерия, но одет наш гость был не в привычную форму. В руке он держал небольшой саквояж.

– С кем имею честь, – пробормотала я. – Я о вас ничего не знаю.

Гость отстранился от тусклого света фонаря, даже отвел мою руку, обернулся и обстоятельно закрыл за собой дверь.

Когда он повернулся ко мне снова, я увидела в его руке что-то, похожее на сверкнувший нож.

Глава вторая

У меня неплохая реакция и достаточно крепкие нервы. Я могла беспомощно закричать или броситься вон из сторожки, но я вместо этого коротко размахнулась и ударила гостя по руке фонарем.

Я была изо всех сил, но размах оказался недостаточным, а фонарь – слишком легким. Гость только вскрикнул – мне показалось, больше от неожиданности, чем от боли, и отпрянул в сторону. Я кинулась наутек, надеясь, что успею не только выскочить, но и закрыть за собой дверь сторожки снаружи.

– Стойте! – сдавленно окликнул гость. Похоже, ему было больно, но агрессии в его голосе не прозвучало. – Стойте же!

Я остановилась и обернулась. Если он собирался на меня напасть, мог это сделать без предупреждения. Бегал он все равно быстрее меня. Фонарь я не выронила и теперь издали светила на гостя, тот морщился.

– Возьмите же, – пробурчал он, протягивая мне нечто блестящее. То, что меня так напугало. Я опустила фонарь ниже, всмотрелась и поняла, что никакой это был не нож. – Возьмите и прочитайте, у меня руки мокрые.

– Думаете, у меня они сухие? – Меня передернуло – от холода, но гость, вероятно, принял это на свой счет. Я подошла, передала ему фонарь, взяла металлический тонкий тубус и трясущимися руками раскрутила его.

Свиток я чуть не выронила. Собственная неловкость раздражала, а озноб заставлял нервничать. Я сунула обе половинки тубуса в карман мантии, развернула свиток и поднесла его к фонарю.

Из-за этого мне пришлось встать к гостю поближе.

«Государственный Учебный Совет и Совет Попечителей направляют господина Эдгара Лэнгли для временного исполнения обязанностей директора Школы Лекарниц до возвращения Дамы Рут Рэндалл».

Я перечитала текст дважды и подняла голову. Высокий мужчина, темные волосы, не слишком короткие, как у монахов, не настолько длинные, как у столичных щеголей. Мокрые, разумеется. Худощавое, выразительное лицо, темные глаза – цвет я рассмотреть не могла, – и Советы прислали этого господина для исполнения обязанностей директора?

– Я ничего не знаю о вашем приезде, – холодно сообщила я в очередной раз и подумала, что Арчи давно пора перехватить свою рюмочку и вернуться. Не много помощи от старика, но не один на один с этим человеком. Эдгар Лэнгли. Хорошо. – Документ выглядит подлинным.

Я кривила душой: отличать настоящие документы я умела, это было несложно, если знать, на что обращать внимание – несколько переплетений на гербовой печати.

– Вам должны были сообщить, – немного растерянно улыбнулся Лэнгли, и я опешила. Сначала я отметила его выдержку, теперь – улыбку. Рискованно, очень рискованно. – Вы?..

– Стефани Гэйн, – представилась я. – Администратор Школы и временно исполняющий... частично... те обязанности, которые приехали исполнять вы.

– Тогда в самом деле странно, – заметил Лэнгли, и мне показалось, что ничего странного он не видит. Не сообщили и ладно, тоже проблему нашла. – Но, я думаю, мы все прояснили. Проводите меня?

Я вернула назначение, сунув его снова в тубус и подумав мельком, что стоило сначала показать его кому-нибудь из более опытных преподавателей. Больше всего мне не хотелось снова выходить на улицу, но фонарь я забрала и, кивнув, пошла к выходу. В этот момент дверь открылась, и на пороге показался Арчи. От него явственно пахло настойкой, но трезвый или не очень, Арчи легко обходился без фонаря в любую тьму.

– Госпожа директор, кто этот человек?

Зато по его речи сразу стало понятно, что одной рюмкой он не ограничился.

– Новый директор, господин Лэнгли, – ответила я, покосившись сначала на самого Лэнгли, затем на Арчи. Обоим было, кажется, все равно, потому что Арчи пожал плечами и ворча пошлепал в свою каморку.

– Ливень-то какой, ливень, и на лестнице опять натекло, – бухтел он.

Я, поморщившись, пригласила жестом Лэнгли следовать за собой. Что-то в его облике казалось мне странным, и дело было не только во внешности.

– Вы отпустили экипаж? – спросила я только для того, чтобы не молчать неловко, и ступила под ливень. Хуже, чем было, мне стать уже не могло.

– Он был почтовый, – спокойно пояснил Лэнгли. – Последний, если вы не ждете кого-то еще.

Мы никого не ждали. Почту практически никто не получал, редкие письма привозили с поставщиками, почтовые кареты на моей памяти заезжали к нам раз пять. Слишком большой крюк.

Я старательно пряталась в мантию – сама не понимая, от дождя или от Лэнгли. Меня не оставляла мысль, чем и о чем думали оба Совета, отправляя в нашу Школу на должность директора такого...

Красавца, если называть вещи своими именами. А проще было поступить именно так, потому что у меня были только триста ярдов, чтобы собраться, и проблема была не во мне.

Школа Лекарниц – почти монастырь. Когда-то она была частью монастыря, но лет сорок назад от пострига студенток пришлось отказаться. Возражать начало Священное Собрание, особенно когда лекарниц стали обучать принимать роды, – это считалось достойным только повитух, но никак не монахинь, а затем, когда лекарское дело включило не просто облегчение болей, но и элементарную хирургию, вопрос с постригом был снят окончательно. Лекарницы давали клятву помощи всем, кто к ним обращался, а в число нуждающихся входили, естественно, не только женщины и малые дети, но и мужчины.

А взгляды на судьбу студенток остались. Как и правила обучения в Школе.

Девочек сюда отправляли не потому, что это было почетно или престижно. Почетно и престижно обучать юных барышень танцам и домоводству, а также «благородным» наукам – истории, географии, Слову Сущих, – в гимназии или Высшей Женской Школе. Но именно отправив дочь в Школу Лекарниц или любое другое благотворительное заведение, проще всего избавиться от лишнего рта в небогатой семье.

И я шла и размышляла, кому взбрело в голову подобное святотатство по имени Эдгар Лэнгли. Ладно преподаватели, ладно я, но студентки, девочки от двенадцати до двадцати лет, для многих из них брак – единственный шанс не прозябать остаток жизни в лекарской хибарке в глуши, а стать... Стать, в общем, свободной и независимой женщиной, если так можно выразиться. Женой и матерью, но как повезет с мужем. Я знала, что некоторые лекарницы потом выходили замуж, но все же желающих брать в жены женщин, которые ежедневно видели и трогали посторонних полураздетых мужчин, было исключительно мало. Мастерство лекарницы давало возможность честно заработать себе на хлеб, и считалось, что Школа – благое дело не только для пациентов, но и для студенток.

В принципе, так и было, с этим никто не спорил.

Я украдкой посматривала на Лэнгли – как он реагирует на то, что видит. Наш залитый дождем двор, дорожка, уже скрывшаяся под лужами, здание, серое и мрачное, с давно облупившейся на фасаде краской, с безнадежно болтающимся на покосившемся столбе фонарем.

Лэнгли был невероятно спокоен. Я так и не смогла рассмотреть его как следует, но от него веяло уверенностью. Мне стало немного легче, хотя я не знала, чего от него ожидать.

Фил ждал нас, выглядывая из-за двери.

– Господин жандарм, – он слегка поклонился. – Что же сказали, что больше вас тут не ждать? Нашли что? Бедная девочка...

– Господин Лэнгли – новый директор, – обронила я. – Будь так добр, принеси ему... ужин, наверное, и посмотри, что есть горячего? – Я кое-как отряхнулась, причем юбку было уже не спасти, выжала волосы, вопросительно взглянула на Лэнгли. – Сэр, может, вы хотите что-то еще?

– Не утруждайтесь, – он покачал головой и пригласил меня войти первой. – Горячий чай и сэндвич, сойдет и холодный.

Фил, бормоча точно так же, как и Арчи, закрыл за нами дверь. Я постояла, глядя, как теперь и на пол холла стекает с меня вода.

– Я временно занимаю кабинет госпожи Рэндалл, но...

– Нет-нет, госпожа Гэйн. Меня устроит любая комната.

И тут я поняла, что за смутное беспокойство меня терзало.

– Это весь ваш багаж, господин директор? – спросила я, указав на небольшой саквояж в руке Лэнгли. – Я боюсь, что... у нас нет нужного количества мужских вещей.

Лэнгли неожиданно рассмеялся. Это было настолько необычно – смех в этих стенах, что я вздрогнула и обменялась взглядом с Филом. Его тоже удивил этот смех, он даже приоткрыл рот. Но испуганно сглотнул и засеменил в кухню.

Я пошла по направлению к кабинету и просто ощущала, как Лэнгли, идущий за мной, смотрит мне в спину. В холле было довольно светло, но я не решилась посмотреть ему в лицо, мне казалось это невежливым. Когда я училась в университете, спокойно рассматривала людей, но то была другая страна и другие нравы, здесь же, в Дессийских Перевалах, обычаи были иными. Там, где я училась, никто не предложил мне такую выгодную работу, и я решила – почему бы не вернуться на родину. Забыв, что на родине университетское образование давало мне разве что возможность зарабатывать хорошие деньги легким и честным трудом.

«Дойдет до того, что я с трудом буду привыкать, когда уеду обратно», – подумала я. Но до этого надо было еще дожить.

Япустила Лэнгли в кабинет, он прошел по-хозяйски, улыбнулся мне, покрутил головой, выбирая подходящее кресло, поставил саквояж на пол и сел.

– Возможно, вы хотели бы переодеться? – спросил он.

Я бы с большим удовольствием ушла к себе спать, но, во-первых, работа была еще не закончена, во-вторых, мне нужно было заняться им.

– Не беспокойтесь, – попросила я, стаскивая мантию, и решила, что Лэнгли тоже промок, но он сел как был в кресло, раз, два – ему что, вообще не холодно? – Здесь тепло, я быстро согреюсь. Фил сейчас принесет вам ужин. Он наш смотритель, на все руки мастер.

Лэнгли рассеянно кивнул.

– Почему он сказал про жандармерию? – поинтересовался он, глядя куда-то в сторону. – Что случилось с госпожой Рэндалл, я знаю, а почему он упомянул какую-то девочку?

«Сущие», – мысленно простонала я и внутренне жглась. Я только что приняла, что наше удивление при его появлении – результат чьей-то ошибки.

Наверное, мне срочно стоило разбудить кого-то из преподавателей.

Он что, действительно не тот, за кого себя выдает?

Глава третья

– Вы не знаете? – Я приложила все силы, чтобы голос прозвучал ровно, будто ничего особенного Лэнгли не спросил. – Вам не сказали об этом ни в одном Совете?

Лэнгли неожиданно обернулся, и мы встретились взглядами. Было светло в освещенной газовыми лампами комнате, и я смогла не просто взглянуть ему в глаза, но и воспользоваться представившейся возможностью рассмотреть его.

Это было безумие чистой воды. Теперь он еще и улыбался, немного озабоченно, но улыбался, искренне и широко. Глаза его мне показались синими, но я тут же отвела взгляд и села в кресло.

– Мне сказали, что Школа срочно нуждается в руководстве, – Лэнгли прекратил улыбаться, стал серьезным, но дружелюбие в голосе никуда не исчезло. – Признаться, я не преподаватель и даже не ученый маг. Просто чиновник.

«Просто чиновник», – передразнила я. И я бы не удивилась, если бы узнала, что этого «просто чиновника» выгнали из столицы только за то, что все остальные чиновники немислимо ревновали к нему собственных жен.

– В таком случае вам будет непросто заменить госпожу Рэндалл, – я попыталась обратить все в шутку. Больше от собственного внезапного смущения. – Ее дисциплина открыта, и если честно, меня беспокоит... Вас тоже должно беспокоить как директора, сэр, что у студенток не будет преподавателя. Но госпожа Рэндалл единственная, кто мог взять на себя этот предмет.

– Что она преподавала? – уточнил Лэнгли.

Несмотря на его улыбку и красоту, он начал меня пугать, и куда больше, чем тогда, когда я решила, что он накинется на меня с ножом.

– Кармическую диагностику, – ответила я. Где-то пропал с ужином Фил. – Не то чтобы это серьезный предмет, но учитывая, что девочкам нужна хоть какая-то практика...

Я не договорила и сделала это сознательно. Лэнгли, если он действительно Лэнгли, а не кто-то еще, должен был узнать о Школе хоть что-то. Но он не знал.

– Если я правильно понимаю, то это предмет, который как-то связан с прошлыми жизнями?

Мне захотелось встать и подтащить кресло поближе к камину, но одна мысль, что мне придется повернуться к Лэнгли спиной, теперь ужасала.

Да, кармическая диагностика – предмет, который госпожа Рэндалл включила в программу специально, пройдя курс в столичной больнице. Но кармическая диагностика применялась редко, Лэнгли, если он сам или кто-то из близких не был серьезно болен, вполне мог деталей не знать.

– Это вид диагностики, который учитывает возможные прошлые жизни пациента... Самое сложное в этом предмете – концентрация на пациенте и руническое и астрологическое выяснение его кармы, потому что ее влияние на вероятность заболеваний и осложнений в текущей жизни более или менее систематизировано, – я постаралась не щелкать зубами. От накатившего вновь приступа озноба, не от страха. – К счастью, предмет не входит в число обязательных на экзамене, хотя в акушерстве он учитывается...

– Это магия, – серьезно сказал Лэнгли. – Вы ведь тоже не ученый маг? И, как мне кажется, даже не здешняя?

Я про себя хмыкнула, подумав, что же могло меня выдать.

– Я почти всю жизнь прожила в Анселских Долинах. Моя мать вышла замуж за отчима, когда мне было всего три. – Я поморщилась – зачем я вообще вдаюсь в такие подробности, он ведь явно спросил не об этом. Но Лэнгли меня не перебивал. – Окончила курс университета по специальности «Общее администрирование». Два года проработала в администрации

бургомистра в Катри, а потом увидела эту вакансию. Администрирование в Школе – богатый опыт плюс жалованье, сложно было устоять.

Дверь скрипнула, в комнату вошел Фил. Поднос он тащил такой, что мне пришлось встать и помочь ему, а особенно – убрать со стола бумаги. Часть я сгребла в ящик, часть оставила на столе. Лэнгли без малейшего смущения пересел в рабочее кресло, и я заметила, как Фил косится на мокрые кресла. «Только бы он ничего не сказал», – взмолилась я.

Но Фил ушел, и мне показалось, что сделал он это охотно, хотя вообще был любопытен и новости Школы старался не пропускать. Возможно, Лэнгли пугал не только меня.

Я успокоила себя, сказав, что бояться нечего. Если он не напал на меня сразу, то в Школе не будет этого делать точно. Здесь много людей, есть преподаватели-маги, и сильные маги, если на то пошло. Но это если сам Лэнгли не врет и не является ученым магом, но смысл? Школа Лекарниц – не то место, где можно пожить, а с такой внешностью его сложно заподозрить даже в удовлетворении излишков страсти.

Лэнгли же с аппетитом принялся за еду. Фил расщедрился, так что я удостоилась великолепной улыбки и предложения присоединиться к трапезе. Мне все еще было холодно, поэтому отказаться я не смогла, по крайней мере, от чая. И хотя обычно я не могла пить живой кипяток, сейчас сделала исключение.

– Так что с девочкой? – опять спросил Лэнгли, и интересовался он всерьез, это было не праздное любопытство. – Сюда приезжала жандармерия?

У него стал настолько озабоченный вид, что у меня мелькнула мысль – а не собирается ли он просто скрыться здесь от жандармов? Это было бы очень логично. Если допустить, что он фальшивомонетчик или мошенник, бумага из Советов легко объясняется.

Но если он хочет скрыться, то опасаться его нечего.

– Несчастный случай, – сказала я в чашку. Мне даже лицо убирать от горячего пара не хотелось. – Вы, наверное, заметили наш фонарь? Он и так светил слабо, а в тот вечер стекло разбило ветром, огонь погас, и девочка, возвращаясь из теплиц, не заметила торчащий из земли корень, запнулась, упала и ударилась головой прямо о камень. Студенткам запрещено выходить с наступлением темноты, а я думаю, что сделать с этим фонарем, пока не пострадал кто-то из преподавателей...

Прозвучало так, словно я в чем-то оправдываюсь, но где-то так и было.

– Она шла одна? Эта девочка?

– Преподаватель снадобий – ее тетя, – пояснила я. – Конечно, это нарушение дисциплины, но... Госпожа Коул ее единственная родственница. Здесь многие студентки сироты, но Лайза была круглой сиротой. Лайза Кин, так ее звали. – Я помолчала. – Она была довольно способной и скромной. Я больше знаю тех студенток, которые учатся плохо... – И я указала на сдвинутую стопку журналов. – Я объясню вам, что с ними делать, вы сами увидите.

– Сколько ей было лет?

Я стиснула чашку. Любопытство или что-то иное?

– Всего четырнадцать. Лайза хотела учиться. Обычно девочки... – Не мог он вообще ничего не знать о Школе? Или мог? – Скажем так, мало кто относится к учебе ответственно. Несмотря ни на что, у них остается шанс выйти замуж до того, как они дадут клятву и начнут оказывать настоящую помощь... Но это старший, последний класс.

– А как же директор?

– Госпожа Рэндалл? – я пожала плечами, глотнула чай. – У нас протекает крыша. Фил пытается ее залатать, но его усилий для этого недостаточно. Он говорит, что течет где-то сверху, куда он не может забраться, но мы выяснили это, только когда начались дожди. И знаете, как-то так... получилось, – сказала я и задумалась, и в самом деле – как? – Что мы выяснили это, когда упала госпожа Рэндалл. Прибежали на ее крики, госпожа Лидделл, препода-

ватель анатомии, поскользнулась на том же месте, к счастью, без последствий. Кое-как сейчас течь заделали, но не удивляйтесь, если увидите лужи на полу.

– Госпожу Рэндалл не удивила смерть девочки?

Я помолчала, допила чай, поставила чашку. И всем своим видом я выражала неготовность разговаривать с ним на эту тему.

Думала ли я, что это все подозрительно? Лайза, потом госпожа Рэндалл? Разумеется.

Говорила ли я хоть кому-то о своих сомнениях? Нет.

Я не верила, что смерть Лайзы была не случайностью. Никому не было смысла убивать тихую и усидчивую студентку. То, что ты хорошо учишься, в понятии многих студенток скорее минус, чем плюс, потому что клятва клятвой, но лучше не получить место лекарницы, чем получить, так что конкуренция тут – вопрос. Лайза была совсем ребенком, не очень красивым, большеротым, похожим на встрепанную птичку.

Я не верила, что госпожа Рэндалл упала с лестницы не случайно. Потому что протечка была, она и сейчас была, причем текло часто в разных местах.

Меня очень смущало то, что случаи были похожи.

– Госпожу Рэндалл это не удивило, – наконец сказала я. – Это было трагедией, но даже не недосмотром. – То, что я сказала потом, я говорить не планировала, оно само вырвалось. – Она больше беспокоилась из-за того, что жандарм обратил внимание на фонарь. Мол, если бы он тогда не погас, если бы был закреплен или их было два, то девочка не упала бы. Но нас финансируют попечители, а они, знаете, не слишком щедры...

Лэнгли кивал в такт моим словам. Он хмурился, и – как бы меня ни смущало это, сдвинутые брови ему несказанно шли.

– В Школе много сложностей, так? – спросил он. – И никто не сказал, с чем придется столкнуться.

Я не поверила ни единому слову. Как чиновник он должен знать, что такое благотворительные учебные заведения. Все чиновники с этим сталкивались, потому что благотворительность влияла на налоги, кем бы ты ни был, хоть купцом, хоть промышленником, хоть дворянином, хоть мещанином, сдающим угол.

– Завтра вы познакомитесь с преподавателями, – пообещала я. – Завтрак в семь утра, у нас отдельная от студенток столовая. – Мне стоило бы добавить, что со студентками ему знакомиться вовсе не стоит, но оно опять же вырвалось само по себе. – Все занятия вы сможете посетить в течение дня.

Я встала. Лэнгли уже не улыбался, мне показалось, он считал разговор не просто светской беседой, а чем-то вроде допроса. Прервать меня он, конечно же, мог, но не стал: у него было много вопросов, на них кто-то должен был отвечать, и лучше, если этот кто-то не станет уходить от ответа, додумывать и приукрашивать факты.

– Вы устали, – сказала я. – Спальня директора прямо за этой дверью, – я указала на темное пятно дерева, наполовину занавешенное синей тяжелой тканью. Там никто не спал с тех пор, как уехала госпожа Рэндалл, и там тепло, есть ванная. Я, с вашего позволения, пойду спать, закончу работу завтра. Все самое срочное я уже сделала.

Понял ли Лэнгли, что я хочу ускользнуть, или нет, останавливать меня он не стал. Я коротко пожелала ему доброй ночи и вышла в коридор, плотно закрыв за собой дверь.

Вот теперь я дала своим нервам волю. Если меня трясет – пусть трясет. В ученых книгах я прочитала, что этого может требовать магия, и сопротивляться не стоит. В критической ситуации я умею действовать здраво, а сейчас есть пара часов для паники. И я отправилась в правое крыло, внимательно следя, где еще успели натечь лужи. Мест таких оказалось предостаточно, но как шутила Нэн Крэйг, то, что вымокло, не сторит.

Я почти вбежала в комнату, которую делила с ней, и бесцеремонно плюхнулась на кровать.

– Проснись, – потребовала я и потрепала Нэн за плечо. – Нэн, это срочно. Проснись.
– М-м, Стеффи, – простионала она. – Что, опять кто-то умер?

У нее было специфическое чувство юмора для преподавателя, выпускницы Высшей Женской Школы и маркизы. Я временами недоумевала, что Нэн забыла в этой глуши. Единственная наследница маркиза Крэйга и обладательница огромного состояния, из которого, впрочем, ни гроша не было потрачено на нужды Школы.

– Пока нет, но кто сказал, что это не случится под утро.

Нэн открыла глаза. Посмотрела на меня, не поднимая головы, потом убрала с лица непослушную темную прядь.

– Арчи перебрал? Или на лестнице снова потоп?

– И то, и другое. – Нэн умела поднять настроение. – Но все хуже, и не гадай. У нас в Школе мужчина, молодой, красивый, обаятельный. Нет-нет, лежи-лежи... Это новый директор, и Сущие с его красотой. Он ничего не знает о Школе, говорит, что чиновник, утверждает, что он не ученый маг. Ты лучше меня знаешь, что здесь не так, поэтому – рассказывай.

Глава четвертая

– Су-ущие, – опять простонала Нэн и все-таки села, подтянув на себя одеяло. – Молодой? Это уже очень странно.

– У него назначение из обоих Советов, и оно выглядит подлинным.

– Тут тебе, конечно, видней, – признала Нэн. Потом она растрепала рукой волосы, потянулась. – Раз подлинное, зачем ты меня разбудила?

– Он подозрителен.

Нэн вздохнула, посмотрела на меня. В темноте ее глаза мерцали, только что не светились, а выражение лица говорило о том, что она не настолько удивлена, как я ожидала. И Нэн ждала подробностей.

– Нэн, он... – Как это объяснить? – Он вызывает желание с ним откровенничать.

Нэн в ответ на это захныкала и с размаху упала обратно на подушки.

– Стефани, – умоляюще произнесла она, – не начинай повторять ерунду за газетчиками. Никакая магия не позволяет влиять на разум другого человека. Тебя смущает то, что он красив? Я оценю его завтра, м-м... – Она усмехнулась. – Или то, что он ничего не удосужился узнать о Школе? Что он пренебрег своими обязанностями? Так скажи, как много преподавателей хорошо ведут свой предмет?

Теперь вздохнула уже я. Нэн затронула скользкую тему, и пусть она могла спокойно говорить со мной, не опасаясь, что я передам кому-то детали, и также не опасаясь, что ее выгонят за недоверие ко всему преподавательскому составу, я настолько раскрываться была не готова.

Да, преподаватели – выпускницы Высшей Женской Школы. Они преподавали так или иначе лекарское дело, не будучи сами ни лекарницами, ни врачами. Все попали сюда разными путями, и я опять задумалась, почему в Школе оказалась сама Нэн.

– Не ищи тайн там, где их нет, – посоветовала мне Нэн. – Здесь не столица. Это не место для исполнения заветных желаний и покорения карьерных высот. Может быть, его сослали сюда потому, что чья-то супруга повелась на смазливое личико...

Такая мысль была у меня самой. То, что сейчас Нэн подумала так же, меня не успокоило.

– Или он проворовался. Или попался на взятке. Стеффи, не перебирай варианты, воспользуйся лучше возможностью пересмотреть бюджет. Мой класс остался без матов.

Она повернулась набок, давая понять, что разговор окончен. Нэн была для меня загадкой, я не знала, устала ли она или просто не хочет об этом говорить. В чем я была точно уверена, так это в том, что она не злится за то, что я ее разбудила. Нэн, пожалуй, лучше прочих справлялась со своей дисциплиной – концентрацией, и для нее не составляло труда заснуть за пару минут так же крепко, как она спала до этого.

Я встала с ее кровати, взглянув на оставшееся мокрое пятно. Если Нэн ночью сунет сюда ноги, то даже этого не заметит, потому что один из способов обеспечить себе безупречный сон – убедить себя в абсолютном комфорте. Магия Нэн была гораздо сильнее моей, мне ни разу не удавалось внушить себе, что мне тепло, мягко, уютно, что мне не мешают ни свет, ни звуки...

Зная, что Нэн не отвлечется от концентрации, если она уже не заснула, я зажгла лампу на столе и принялась раздеваться. Ветер как будто этого ждал, начал колотиться в окно комнаты, и мой и без того продрогший бок обдало ледяным сквозняком. Ежась, я стащила платье, ботинки, чулки и белье, вынула заколки из волос, нащупала полотенце и кое-как подсушила голову. Потом откопала под одеялом длинную ночную рубашку, влезла в нее – она была школьная и бесконечно мне велика, но в ней возможно было спать, не трясясь от холода, – после чего, заранее дрожа и предвкушая муки, юркнула под одеяло в ледяную кровать. И думала я вовсе не о том, что надо было бежать не к Нэн – она проявила удивительное равнодушие! – а к кому-нибудь из старших преподавателей.

Может быть, они оказались бы более чуткими. Но в любом случае у меня было время до завтра.

Если Лэнгли сейчас украдет что-нибудь и сбежит, буду ли я виновата? Скорее – нет, поверят моим словам, что у него было назначение, даже разбираться не станут.

Если он нападет на кого-то из девочек? Тут сложнее, но студентки поднимут крик. Да и Фил по обыкновению, наверное, не спит, а ходит по дому и латает дыры. Работы ему хватит теперь до утра.

Мне было очень мерзко и зябко, но я через силу вытянула ноги и руки, глубоко вздохнула. Теперь сконцентрироваться, как учила Нэн: мне становится теплее и теплее, пальцы ног наливаются теплом и тяжестью, ступни наливаются теплом и тяжестью, щиколотки наливаются теплом, голени... и дальше – все согласно упрощенной анатомии. В которой я была не слишком сильна. Все – до самой шеи, и не пропустить ни одну часть тела. Нэн использовала другую технику – более быструю, ту самую, с горячей кровью, которая мне давалась с трудом и которой не хватало надолго. Чем сильнее твоя магия, тем проще тебе жить...

Спать, например, и тут, как раз на бедрах, мысли мои опять ускакали. Концентрацию надо было начинать сначала, но я подумала о другом.

В доме была тишина. Кроме шума дождя за окном, я совсем ничего не слышала. Интересно, Лэнгли позовет Филя и попросит его нагреть воды? Или справится сам? Он не ученый маг, но где пределы того, что он может?

И как он это будет использовать?

В моей голове Нэн ехидно возразила, что новый директор, возможно, завтра быстро пробежится по Школе, а потом мы все будем ходить к нему в кабинет. Это я себя убеждала, что ему интересно, а весь его интерес или то, что я за него приняла, вообще мог быть только к моей персоне. Потому что я сразу сказала, что я не преподаватель, что выросла в стране с куда более свободными нравами, что я не маг, и он мог сделать вывод, что свое пребывание на посту директора он может скрасить с моей помощью.

А еще он оживился, когда речь зашла о погибшей студентке. Может быть, Лэнгли – газетчик? Такой новости, пока Школа отрезана от мира, хватит газетам до самой весны. Но как он выберется отсюда?

Нэн объясняла: «Голова тяжелеет, из нее уходят все мысли, одна за одной, одна за одной, голова словно гаснет, как пламя в камине, затихает, затухает...» Сколько она ни учила меня концентрации, достижений у меня было не больше, чем у студенток.

«Ноги расслаблены и тяжелеют... им тепло... жарко...»

Мне стоило проговорить то, о чем я умолчала с Нэн. Ту мысль, которая постоянно меня сбивала. Этому меня тоже учила Нэн – одна из основ концентрации: найти то, что мешает, ясно и четко выразить это словами.

Итак?..

Мне кажется подозрительным Лэнгли из-за его красоты и потому, что Совет поступил неосмотрительно. Нэн это легко объяснила. Я могу также добавить, что именно Школа сейчас не только хорошее убежище для тех, кто хочет скрыться, но и для тех, кого хотят скрыть.

Есть ли еще что-то, почему Лэнгли меня насторожил?

Да. Он ничего не узнал о Школе. Но это мое впечатление, потому что он задавал мне вопросы. Если я допущу, что он умнее, чем мне показался, и знает все не хуже меня, а меня просто расспрашивает, его поведение тоже перестанет казаться мне странным.

Еще?

Я начала с ним откровенничать. Что я могла объяснить – и очень поспешно сделала: я хотела оправдаться. На всякий случай. Чтобы он не счел меня к чему-то причастной. Потому что мне нужна эта работа, потому что мое увольнение будет пятном в моем послужном списке, потому что получится, что я не только не получила опыт, но еще и испортила себе репутацию.

Я выдохнула. Прислушалась к себе: казалось, что все должно было исчезнуть, но нет, голова еще не была свободна настолько, чтобы заснуть.

Как я позавидовала Нэн и ее силе! Но это магический дар. Зависть ничему не поможет, только может накалить отношения.

Лэнгли, вернулась я к своей начавшей болеть голове. И мне захотелось опять разбудить Нэн и высказать ей все, что думаю о концентрации как об учении магии. Нэн не была ученым магом, женщины не могли быть учеными магами, но ее обучал дед, один из виднейших ученых, почему одним все, а другим ничего?..

«Все дело в том, что я не хочу видеть в Школе мужчину, – наконец призналась я себе. – Потому что Лэнгли – не Фил, не Арчи, не наш дурачок Криспин, потому что их я не могу считать опасными...»

Разумеется, не только для студенток. Для всех нас.

Я не додумала мысль до конца, как требовала того концентрация, но мне стало легче. И ноги уже в самом деле горели, возможно, я начинала делать успехи. С руками я справилась коротким приступом магии с обжигающей кровью, и мне показалось, что я начала уже засыпать, как слышала грохот.

Глава пятая

Нэн спала как ни в чем не бывало, меня же ноги сами вынесли из комнаты. Теплый халат я натягивала уже в коридоре. В одной рубашке меня могли увидеть разве что чопорные преподаватели, и хотя осуждение было гарантировано, в тот момент я думала совсем не о нем.

Грохот раздался со стороны холла, я выбежала на лестницу, пытаюсь понять, наверху или внизу что-то случилось. Что-то металлическое опять зазвенело, я прислушалась – все-таки наверху, и бросилась туда.

Я была не одна такая смелая: из крыла студенток доносились встревоженные голоса, ночью, в гулком доме, казалось, что это говорят и шуршат призраки. Первое время меня это пугало, потом я привыкла. Сейчас, что бы ни произошло, девочки были лишние.

Но не случилось ничего страшного. На полу холла третьего этажа была лужа, и наверняка вода протекла по стенам и потолкам до первого этажа. В луже валялись старая лестница, два стула и металлический ковшик, а из прорехи в потолке болтались ноги Фила.

– Фил! – крикнула я. Ноги шевелились, значит, он был как минимум жив. – Фил, ты в порядке?

– А, госпожа директор, – Филу точно было плевать на все назначения всех Советов в мире. – Я нашел, откуда течет, это слив с крыши, так вот он насквозь проржавел, и все льется на наши головы. Проклятые крысы, госпожа директор! И мне нужно, чтобы кто-нибудь поставил обратно лестницу!

За спиной взволнованно перешептывались и переговаривались. Я оглянулась – студентки из самых отчаянных и неспящих, конечно, поднялись наверх. Развлечений и событий в Школе так мало, что даже два несчастных случая не смогли занять все внимание хотя бы на пару месяцев.

А вот преподавателей не было, кроме Почтенной Антонии Лоры Джонсон, и она подслеповато щурилась, потому что оставила очки на тумбочке.

– Стефани, детка, – прошамкала старуха. Челюсть она, разумеется, тоже не удосужилась вставить. – Кто там висит?

– Это Фил, госпожа Джонсон, – вздохнула я и взглядом выцепила из толпы девочек покрепче. – Торнтон, Мэдисон, Трэвис, поставьте, пожалуйста, Филу лестницу.

Студентки недовольно подчинились. Госпожа Джонсон опомнилась.

– Они же раздеты, Стефани, детка, – возмутилась она. – Фил их увидит. Какой позор.

– Поставьте лестницу и марш в комнаты, – скомандовала я. – А вы, – я махнула рукой остальным, – марш сейчас же! Ну, быстро!

Все притворились, что ничего не слышали. Госпожа Джонсон принялась: видела она прескверно, особенно в полутьме, но различала нас всех по запаху. То, что она унюхала, ей не понравилось.

– Опять эти кошелки дрыхнут! – каркнула она, подразумевая преподавателей. – Помяни мое слово, Стефани, детка, одна куколка Нэн спит как положено, остальные опять наладились! А вы что стоите? – крикнула она на студенток. – Кому было сказано – вон пошли! Тупицы, тьфу!

Самые младшие испуганно начали пробираться из передних рядов в задние, но вряд ли они действительно собирались уйти. Торнтон, Мэдисон и Трэвис кое-как поставили лестницу, и стало очевидно, что так нам Фила не вытащить.

Девочки отошли к дверям, госпожа Джонсон вытянула шею.

– Он так не слезет, да, Стефани?

Я помотала головой, судорожно думая, что предпринять. Неизвестно, как у Фила вышло взгромоздить на лестницу стулья, но одно было ясно точно – нам это повторить не удастся.

Фил сучил ногами. Он уже понял, что лестницу поставили, но нащупать ее никак не мог. – Не пытайся слезть, Фил, – попросила я. – И не дергайся. Ты упадешь. Мы что-нибудь придумаем...

Девочки в дверях захихикали. Госпожа Джонсон сердито напустилась на них с нотациями о скромности, милосердии и послушании.

– Выше я пролезть тоже не могу, госпожа директор! – воззвал ко мне Фил, оставив бесплодные попытки. – Там прямо над моей головой эта труба, я ее залатал немного, но на меня уже капает!

В подтверждение его слов из прорехи пролилась струйка воды. Студентки взвизгнули.

– Заткнулись, курицы вы безмозглые, или будете оказывать ему лекарскую помощь, и попробуйте пропустить хоть царапину, всем поставлю низшие баллы! – опять проорала госпожа Джонсон. В этот момент девочки поспешно расступились, и на первый план вышел совсем не тот человек, которого я ожидала и надеялась тут увидеть.

Арчи или, на худой конец, Криспин, от которого было не много помощи, но это был Лэнгли, и, судя по всему, он даже не думал ложиться. Госпожа Джонсон прокашлялась, и к шуму ливня и кряхтению Фила добавились изумленные приглушенные стоны и шепот.

– Кто? – встрепелась госпожа Джонсон. – Дурачина, во что вырядился и где это взял? – Она опять понюхала воздух и возмущенно повернулась ко мне: – Стефани, детка, я говорила не пускать этого дурака в наше крыло? От него пахнет дымом! – И накинулась на опешившего Лэнгли: – Ты спишь в кабинете госпожи Рэндалл? А кто тебе разрешил? Ты меня понимаешь, бестолочь?

Кто-то из девочек прыснул. Мне тоже было смешно, но я сдержалась.

– Это не Криспин, госпожа Джонсон! – прокричала я ей почти в ухо. Не то чтобы она была глухая, слышала она не хуже, чем различала запахи, но мне показалось, что это немного уменьшит неловкость. – Это наш новый директор! Я видела его назначение!

Стоны прекратились. Я покосилась на девочек, госпожа Джонсон не потеряла присутствия духа.

– Марш по спальням, бесстыжие! – рявкнула она так, что задрожали стекла. Хотя, конечно же, это был порыв ветра. – Не стойте же, юноша, снимите Фила, – приказала она Лэнгли так спокойно, как я не смогла бы никогда.

Но госпожа Джонсон, бесспорно, имела на это право. В этих стенах она была третьим лицом Сущих – еще с тех пор, как Школа находилась в ведении монастыря.

И бояться, и смущаться ей было некого.

Девочки испарились, остались стоять как вкопанные лишь две, и госпожа Джонсон, не столько видя, сколько зная, что кто-то остался, потому что так бывало всегда, сделала страшное лицо. Лэнгли посмотрел на меня, я вспомнила, что стою босая на холодном полу, в ночной рубашке и халате, и покраснела так, что оставалось только радоваться, что холл не настолько хорошо освещен.

Лэнгли подошел к лестнице. На то, что мы были полураздеты, он не обратил никакого внимания, или же был отменно воспитан. Зачем-то он подергал лестницу, потом повернулся к нам.

– А где остальные преподаватели? – удивленно спросил он.

– Спят, клуши, – злорадно закричала госпожа Джонсон. – В былое время здесь ставили на горох не то что барышень, но и монахинь, и дисциплина была, как положено в заведении, угодном воле Сущих, а нынче вы с ними наплачетесь, юноша.

– Госпожа Джонсон... имеет в виду, что... преподаватели сильно утомляются, – я постаралась смягчить то впечатление, которое могло у Лэнгли сложиться из-за ее слов. – Некоторые засыпают с помощью концентрации, остальные... просто... в возрасте, – нашла я подходящее, как мне показалось, объяснение, и Лэнгли кивнул.

– Хорошо, госпожа Гэйн. – И слава Сущим, что он не взглянул на меня в этот момент. – Фил, я сейчас попытаюсь укрепить стулья так, чтобы вы могли встать. Вам нужно продержаться еще немного.

Фил что-то пробормотал, я не расслышала, и дернул ногой. На голову Лэнгли пролилась струйка воды.

– Оно все равно будет течь, – напроорочил Фил. – Больше я сюда не полезу, с вашего позволения...

Лэнгли легко взял один стул и примерился. Мне было непонятно, как Фил умудрился соорудить всю конструкцию так, чтобы достать до прорехи, и Лэнгли недоумевал тоже. Единственный вариант, который пришел мне в голову, – что Фил перевернул стул кверху ножками и поставил на него таким же образом второй стул, затем забрался, встал на ножки, залез в прореху, а затем или толкнул стулья, или все это просто не выдержало.

Лэнгли, словно прочитав мои мысли, но скорее просто прикинув нужную высоту, поставил все в точности так, как я и думала. Потом он слез с лестницы, пошевелил ее. Стулья пошатнулись, но удержались.

– Ты можешь попробовать слезть, Фил, – надтреснуто произнесла я, сознавая, что будет, если он сорвется. – Только тебе придется очень осторожно шупать ножки, иначе ты свалишься.

Госпожа Джонсон успела достать из бездонного кармана халата трубку, раскурила ее, и по холлу поплыл сладкий дымок.

– Я слишком стара для того, чтобы вы на меня смотрели так осуждающе, юноша, кто бы вы ни были, – хмыкнула она, хотя Лэнгли делал вид, что ничего не происходит. – А ты, бездельник, слезай, ночь на исходе, тебе еще все это убирать.

– Не беспокойтесь, Фил, – пообещал Лэнгли, – оно не упадет. Только постарайтесь быстро. Я буду держать.

Быстро? Я озадаченно моргнула. Фил послушался, висеть в дыре, лежа на животе, ему и в самом деле было непросто, а может быть, он решил, что двум смертям не бывать. Лэнгли поднялся по ступенькам лестницы, вцепился руками в оба стула разом – левой в нижний, правой в верхний.

– Спускайтесь.

Фил сполз ниже, нащупал ногой одну ножку, потом вторую, наискосок. Встань он иначе, и на пол полетели бы оба, и он, и Лэнгли. В более чем почтенном возрасте у Фила была хорошая координация, даже несмотря на то, что четверть часа ему пришлось провисеть под потолком, он отпустил руки и ловко оказался на нижнем стуле, умудрившись при этом не задеть Лэнгли. Тот легко спрыгнул, и Фил, отплеываясь, слез. Вид у него был смущенный.

Наверное, он рассчитывал что-то сказать в благодарность, но в этот самый миг весь его ремонт полетел Нечистому под хвост и из прорехи плеснула накопившаяся вода, окатив и самого Фила, и Лэнгли.

– Ай, – досадливо отмахнулась госпожа Джонсон, – завтра этот водопад затопит мой класс. – Она пыхнула трубкой и усмехнулась: – Но мне будет что рассказать нашим курам. Спокойной вам ночи, той, что осталась, дамы и господа.

Я что-то проблеяла. Фил принялся собирать воду, сгоняя ее в угол, откуда она, как и сказала госпожа Джонсон, стекала через дыру в потолке прямо в ее класс акушерства и хирургии.

– Где же вы этому научились, мой юный друг? – Она обернулась к Лэнгли уже на пороге и вышла, не дожидаясь ответа, и я не стала медлить и пошла за ней.

Что она имела в виду?

То, как Лэнгли ловко решил задачу со стульями? Такие любят давать в университете. Лэнгли не женщина, наверняка он окончил курс в столице.

Но госпожа Джонсон вряд ли спросила просто так. С другой стороны, было ли тут что важное, раз она даже не стала выслушивать его объяснения?

Я спешила по следу, точнее, запаху трубки госпожи Джонсон к себе в комнату. На нашем втором этаже запах ушел в противоположное крыло – госпожа Джонсон отправилась наводить тишину в комнатах у студенток. Я вернулась к себе, стянула халат, прикрыла одеялом Нэн, которой, наверное, стало жарко, и забралась в кровать.

Ничего необычного не случилось, подумала я, надо спать. И заснула на удивление быстро, хватило короткого усилия, чтобы согреть ноги и руки.

Проснулась я оттого, что Нэн громко хлопнула дверью. Это была не ее вина, просто ветер иногда так чудил. Я не выспалась, тут же вспомнила все события прошлой ночи и сразу же постаралась о них забыть, иначе все эти мысли не позволили бы мне нормально работать. Все, моя задача теперь проста и привычна, об обязанностях директора можно не думать.

На утренний туалет я потратила минут двадцать, застелила кровать, направилась в столовую. Была половина восьмого, так что когда я вошла, все уже обсуждали то, что успела им рассказать госпожа Джонсон.

Ехидная старуха огорошила всех новым директором – интересно, а она вчера проверила это или доверилась моим словам? – и сбежала, и все преподаватели сидели как на иголках. По-моему, даже никто не ел, одна только Нэн не испытывала ни смущения, ни возбуждения. Понимая, что мне вряд ли дадут поесть, она похлопала рукой по рядом стоящему стулу, спасая меня от расспросов. Я быстро, не поворачиваясь к остальным дамам лицом – и совершенно точно получив порцию упреков – положила в тарелку кашу и пару блинчиков и уселась рядом с Нэн. Она мне подмигнула.

Я спиной чувствовала, как все пялятся на меня, и от этого мне кусок не лез в горло.

– Дамы, дамы, – протянула Нэн несколько издевательским тоном, – дайте Стефани позавтракать, госпожа Джонсон вам все сказала, как и то, что она лично видела назначение господина директора. Она слишком долго живет на этом никчемном свете, чтобы кто-то мог ее обмануть. Приятного аппетита!

Я не могла позволить себе такую роскошь, как Нэн – пять блинчиков, кашу, кленовый сироп во все блюда. К тому же я слышала проклятья, которыми меня безмолвно наградили, и только Нэн было все равно, она уплетала свой завтрак с веселой улыбкой.

– А он ничего, – небрежно сказала она. – Забежал сюда, пожелал доброго утра и исчез. Люси отнесла ему завтрак в кабинет. Как я и говорила, нужны мы ему, зря ты боялась.

Кто-то из преподавателей нарочно громко швырнул на поднос ложку и нож. Я вздрогнула, Нэн усмехнулась.

– У госпожи Коул есть успокаивающий отвар, – громко и как бы в никуда сообщила она. Никто ничего ей не ответил.

Может быть, не успели, потому что дверь в столовую открылась и на пороге появились две девочки. Торнтон, одна из самых спокойных студенток, высокая, грубая на вид девушка семнадцати лет, и вызывающе-красивая Честер, ее одноклассница, хотя ей уже исполнилось двадцать.

– Простите, госпожа администратор, – обратилась ко мне Торнтон, и у меня сердце оборвалось. В их комнате прошлой зимой была протечка, и хотя летом ее залатали, сейчас дело могло кончиться расселением. – Мы не можем найти Мэдисон. Она вчера вернулась с нами в комнаты, а сегодня мы проснулись, ее нет, и она не была на завтраке... Мы обыскали все, что могли, но она пропала...

Глава шестая

Госпожа Джонсон называла преподавателей курами – не в бровь, а в глаз. Все повскакивали с мест, заплескали руками как крыльями, одна тучная Кора Лидделл замешкалась, опрокинув стул и чей-то поднос.

– Как пропала? – растерянно переспросила я. – Вы... может, она в туалете? В ваннных комнатах?

Я понимала, что девочки обязательно должны были там посмотреть. Торнтон быстро закивала:

– В туалетах и ваннных комнатах, и внизу, и наверху, где младшие. И... и в классах. Ее нигде нет.

– Она не могла сбежать в это время года, это безумие, – Нэн уже стояла рядом со мной, хмуря лоб. – Она не первый год здесь и знает, что ей никуда не добраться. Впрочем, я посмотрю в конюшне. Если пропала лошадь, то, возможно...

Она не договорила, а госпожа Лидделл, растолкав остальных преподавателей, протиснулась к нам и уставилась на Торнтон и Честер, уперев руки в бока.

– Я знаю эту мерзавку, – объявила она, – не удивлюсь, если она прихватила что-то из Школы. Госпоже Гэйн прямо сейчас стоит проверить, все ли деньги на месте!

Торнтон отступила на шаг, Джулия Эндрюс, преподаватель грамматики, зашипела как кошка, и мне показалось, что она готова вцепиться Лидделл в волосы.

– Деньги под присмотром господина директора! – я повысила голос, потому что знала – в кипящий котел брошена драконова смола. – Не надо паники!

Никто не паниковал, напротив, у всех преподавателей в глазах горел живейший интерес. В Школе действительно мало событий, наши дамы как змеи, слипшиеся в клубок. К студенткам большинство равнодушны... из собравшихся в столовой сейчас – большинство.

– Верно, не надо, – Нэн сохраняла присутствие духа. Она сжала мое запястье и сразу же отпустила. – Я схожу к Криспину. Если у него исчезла лошадь, по его крику я это узнаю, как только выйду за дверь. Стефани, Джулия, будет лучше, если вы еще раз поищите Мэдисон. Вас, дорогая Кора, не прошу, поберегите здоровье, как же мы будем без вас.

Нэн выскочила за дверь, а Кора Лидделл, оскорбленно постояв с разинутым ртом, наконец закрыла его и, гордо задрав голову, вернулась к завтраку. Торнтон тихонько хихикнула: Нэн студентки любили, и то, как она поддела скандальную Лидделл, их не могло не порадовать.

– Торнтон, Честер, пойдем, – распорядилась я и посмотрела на Джулию. Выглядела она встревоженно. – Я боюсь...

– Не будем пока думать о худшем, – посоветовала Джулия, и я согласно кивнула. Мы обе прекрасно понимали, что повисло невысказанным, и обсуждать при студентках это были совсем не намерены.

Мы вышли из столовой. В коридоре толпились девочки, от самых младших до старших, увидев нас, они заволновались еще больше, но я только махнула рукой.

– Все на занятия! Преподаватели сейчас придут в классы.

Мы прошли мимо них, вышли в холл первого этажа. Посредине гордо стояло наполовину полное ведро, возле него валялась грязная тряпка.

– Джулия, – попросила я, – иди наверх в спальни, я посмотрю в классах и лазарете. – Потом я повернулась к Торнтон. – Мэдисон точно легла вчера спать?

– Раньше нас, госпожа Гэйн, – она опустила голову. – Мы еще подождали, пока все заснут, точнее, хотели подождать, ну... но уснули сами... А Мэдисон сразу легла.

– Может быть, у нее были проблемы? – я попыталась заглянуть Торнтон в глаза. Мне казалось, она что-то скрывает. – Занятия? Или с кем-то из вас?

Торнтон помотала головой так уверенно, что меня это сбilo с толку.

– Нет, госпожа администратор, – Честер тоже была убедительна. – У нее плохие оценки по анатомии, но это потому, что к ней цепляется госпожа Лидделл. Если не верите, спросите у Почтенной Джонсон, Мэдисон лучшая по акушерству!

– Она хорошо себя чувствовала? – опять спросила я.

– Да, госпожа Гэйн. – На этот раз ответила Торнтон. – Вы же знаете, Мэдисон даже не простужалась, несмотря на то, что здесь холодно. Она привыкла.

Я этого не знала. Мне было известно только, что Мэдисон родилась в одном из рабочих домов и что ее мать, в отличие от остальных родителей и опекунов студенток, не избавилась от нее как от обузы или паршивой овцы, а воспользовалась своим тяжелым положением прачки и отдала дочь в благотворительное заведение – научиться чему-то менее изнурительному, чем ее собственный труд. Мэдисон появилась здесь задолго до меня, когда ей было двенадцать, и была действительно старательной. Я ни разу не видела ее в списках на отчисление.

Я вздохнула и отпустила Торнтон и Честер. В холл выходили студентки, и они не торопились расходиться по классам, мне пришлось остановиться и подождать, пока они отправятся на занятия.

Я шла в крыло, в котором были кабинет и спальня госпожи Рэндалл. Теперь – кабинет и спальня Лэнгли, но именно Лэнгли я оставила напоследок, сама не зная почему. Мне следовало сказать ему в первую очередь, что пропала студентка, но я решила, что должна сначала проверить.

Первый этаж этого крыла, помимо кабинета директора, занимали классы грамматики и концентрации, несколько подсобных помещений, спал в своей каморке Фил, находился небольшой лазарет на четыре места. Самая большая комната – зал приемов. Не балов, конечно, а приемов пациентов, которых тут не было никогда. Сорок лет назад в этом зале возносили молитвы Сущим, и госпожа Джонсон до сих пор называла его молельней. В любом помещении невозможно было спрятаться... но легко можно было спрятать.

В классе грамматики начинались занятия младших классов, и я заглянула туда в первую очередь, оставив девочек на пороге жестом руки, – пусто. Я наклонилась посмотреть под партами, но это было перестраховкой. В кабинете концентрации девочки – старший класс – уже расселись на старых продавленных матах, и я испытала укол совести. Я могла сама заказать маты, но решила, что кто-то сочтет, что это по дружбе, и посмотрит косо.

На меня и так смотрели частенько косо...

Молельню пришлось осматривать дольше. Тут до сих пор стояли алтари, и между ними и стеной оставалось достаточно места из-за возвышений для свечей, которые, конечно, никто не подумал рушить. За кафедрой преподавателя дисциплины – плотным рядом шкафы, за шкафами – почти ярд алтарного возвышения, столы для осмотра сдвинуты так, что можно спокойно улечься под ними, и никто тебя не заметит.

Я заглянула даже в камин, заставленный сломанными стульями. Фил предусмотрительно ничего не выбрасывал, потому что вся старая мебель могла при необходимости пойти на растопку.

Убедившись, что в молитвенном зале никого нет, я заставила себя сказать то, что боялась: я искала не спящую или плачущую Мэдисон. Я искала ее тело, как бы дико это ни прозвучало. Я подняла голову и посмотрела на текст молитвы, написанный на стене: «Когда Тьма опустится на землю с Небес, да оградит нас длань Сущей от Зла, убережет дыхание Сущего от искушения Нечистого...»

Лазарет был пуст. К Филу я осторожно постучалась, зная, что он днем, как правило, спит, но сегодня старика мучила бессонница. Он открыл дверь, глаза у него были красные, я спросила, растопил ли он камин в кабинете директора и не залило ли класс акушерства. Фил

отнесся к вопросу нормально и ничего не заподозрил, а я тем временем успела осмотреть его крохотное логово. Здесь возможно было спрятать тело, но только по частям...

Я заглянула в туалет, оттуда испуганно выскочила студентка и побежала в холл – потом наверх, на занятия. Из-за закрытых дверей доносились голоса: студентки именно в этих классах остались без преподавателей, потому что Нэн убежала под дождь, а Джулия осматривала дом.

Наверное, подумала я, у нее успехи побольше. Это я тут копаюсь. Нэн тоже не было дольше, чем я могла ожидать.

Оставался директорский кабинет, и я мялась, не зная, стоит ли туда заходить. С одной стороны – Лэнгли директор. С другой – мы видели его всего несколько раз и то мельком. Может быть, он воспользовался своим положением.

Я решительно постучала. Лэнгли открыл сразу же, как будто ждал.

– Госпожа Гэйн! – И он, как мне показалось, был рад меня видеть. – Как хорошо, что вы заглянули, я никак не могу разобраться с...

– Господин директор, пропала студентка, – выпалила я не подумав. Лицо Лэнгли вытянулось. – Пока мы ищем, где она может быть. Вы видели ее вчера, это одна из девушек, которые были наверху...

Лэнгли кивнул, сделал шаг в коридор. Мне очень хотелось войти и посмотреть, что изменилось за эту ночь в кабинете и спальне, и то, что Лэнгли меня не пускал, насторожило.

– Когда она пропала? – спросил он.

– Девушки утром увидели, что ее нет, господин директор. Госпожа Эндрюс ее ищет. Это преподаватель грамматики. Нэн Крэйг тоже пошла искать – к нашему садовнику и конюху.

– Полагаете, она могла уехать на лошади? – уточнил Лэнгли, и я кивнула. – Пойдем посмотрим.

Я понятия не имела, на что он собрался смотреть. Он не знал Школу, хотя я не исключала возможности, что ночью он обследовал все помещения, которые пустовали. Но Лэнгли направился к центральному входу, встал напротив двери и какое-то время смотрел на лужицу возле порога.

– Плохо, что дверь открывали, – негромко заметил он. Меня удивило: чем плохо? Какая взаимосвязь? – Ветер всю ночь швырял дождь в мои окна, – он пояснял охотно, – они выходят на эту же сторону, и, видимо, дверь достаточно плотная, иначе натекло бы больше воды. Но преподаватель вышла... как вы назвали ее? Госпожа Крэйг?

– Крэйг, – машинально поправила я.

– Да, – Лэнгли кивнул. – И теперь мы уже не узнаем, выходила ли студентка ночью или нам надо искать ее в доме.

Замечание было настолько же очевидно, настолько и неожиданно, но я смогла только пожать плечами. Нэн уже давно пора вернуться.

– А если Мэдисон вышла через черный ход?

– Если здесь есть черный ход – надо проверить.

Согласиться я не успела. Дверь открылась нешироко, в щель проскочила Нэн, отряхиваясь, резкими движениями отжала волосы и посмотрела на нас.

– Ты нашла ее? – выдавила я.

– Нет, не нашла. И лошади все на месте.

У меня появилось ощущение, что Нэн собирается с силами.

– Тогда почему ты так долго?

Нэн отвечала мне, а смотрела на Лэнгли, и он так же пристально смотрел на нее.

– Искала Криспина.

– Нашла? – Мне это переглядывание совсем не понравилось. А Нэн было все равно – она продолжала сверлить взглядом Лэнгли, будто обращалась к нему за помощью.

– Я не лекарница и не врач, но мне хватило навыков убедиться. Лошадь пробила ему голову. Он мертв уже несколько часов.

Глава седьмая

– Это просто несчастный случай.

Все кругом было как в плотном тумане. Такой бывает здесь ранней осенью, когда нельзя даже выйти на улицу, ничего не видно на расстоянии вытянутой руки и звуки доносятся приглушенно.

– Это несчастный случай, Стеффи, – повторила Нэн. – Бедный Криспин.

Я не понимала, как она могла быть настолько в этом уверена. Лэнгли серьезно сказал:

– Вы ведь госпожа Крэйг, верно? Преподаватель? – Нэн кивнула, и он продолжил: – Я попрошу вас пройти туда со мной. И... госпожа Гэйн, будет лучше, если об этом пока никто не узнает.

Я посмотрела на Нэн. Это было невероятно странно.

– Я сам скажу, когда все увижу.

– Стеффи, ты не могла бы заняться девочками? – Нэн сняла с шеи тонкую цепочку с ключиком. – В столе – мои тетрадки, сегодняшняя тема заложена красной лентой. Уверю, там ничего сложного, ты справишься.

Со стороны я выглядела глупо. Стояла и хлопала глазами и не могла ничего сказать, хотя вопросы просто рвались. Много вопросов, но вместо этого я покорно кивнула, взяв ключик, и проводила взглядом исчезнувших за дверью Лэнгли и Нэн.

Какого же хвоста Нечистого? Нэн преподаватель! Это моя обязанность – администратора! – отправиться с Лэнгли, хотелось мне завопить им вслед, но я промолчала, как будто бы так и надо. Потом я окоротила себя: какой от меня прок? Нэн маг посильнее, она разбирается хоть немного в том, как давно человек умер. Практика замещать заболевших преподавателей в Школе была в чести...

И я, если честно, совсем не хотела видеть доброго, наивного, шумного Криспина мертвым.

Я повернулась и пошла в класс. Девочки, увидев меня, притихли, вероятно, ждали, что я что-то скажу им про Мэдисон, но про Мэдисон словно все забыли, и я в том числе, и я сама себе испугалась. Сначала я была с Лэнгли слишком откровенна, теперь я стала подчиняться его приказам, будто не имею собственной воли?

Я сглотнула, стараясь прогнать ощущение мерзкого холодка внутри, и решительно подошла к столу. Девочки наблюдали, как я открываю ящик и достаю записи Нэн. Почерк у нее был отвратительный – в Высшей Женской Школе учили красиво писать, но, похоже, Нэн таким образом проявляла тихий бунт.

– Что вы проходили в прошлый раз? – спросила я, не поднимая головы от тетради. – Госпожа Крэйг говорила, какая тема занятия?

– Мы учились работать с роженицами, госпожа администратор, – ответила Торнтон, а я мысленно застонала. Я не видела в своей жизни ни одни роды и понятия не имела, что там вообще может быть.

– Хорошо, – пробормотала я. Классный журнал был в кабинете Лэнгли, я не собиралась туда сейчас заходить. – М-м...

– Госпожа Гэйн, вы нашли Мэдисон?

Честер смотрела на меня умными, бесконечно красивыми синими глазами. Я встретилась с ней взглядом и подумала, что для дочери внезапно обедневшего, а потом и скоропостижно скончавшегося купца Школа Лекарниц была лучшим выходом. Для замужества Честер была в то время еще слишком мала, а о другой судьбе было страшно помыслить.

– Нет, Честер. Ее ищут. Давайте вернемся к теме занятия, – предложила я. Мне самой тоже лучше было отвлечься. – Расскажите мне, как помогает концентрация при... – Я покосилась в тетрадку и с трудом разобрала каракули Нэн. – При схватках.

Девочки хихикнули. Очевидно, я сморозила глупость, но сделала вид, что так и надо.

– Роженица при схватках испытывает сильные боли, – зачастила Честер, вскочив с мата на ноги, – и задача лекарницы – сделать так, чтобы она не мешала нормальному течению родов. Для этого необходимо, чтобы роженица дышала правильно, и лекарница должна сконцентрироваться на ее дыхании... – Она выдохнула и, кажется, на этом ее познания себя исчерпали, потому что она оглянулась на Торнтон. – Хорошая практика, когда одной рукой лекарница берет роженицу за руку, а другую кладет на живот и заставляет роженицу дышать в нужном ритме. Лекарница дышит вместе с ней, таким образом... ну, все идет как надо.

Я медленно кивнула. Так это или нет, Нэн мне сообщить не сочла нужным, даже заметки не оставила. Но сама логика предмета подсказывала, что Честер еще не закончила.

– Для чего нужна концентрация лекарницы?

– Для того, чтобы сосредоточиться на сокращениях матки и правильно рассчитать дыхание.

Я опять кивнула и прямо на полях тетрадки написала «Честер – 10». Если я ошиблась, то Нэн сама виновата.

– Кто-то может что-то еще сказать?

– Сильная лекарница может контролировать дыхание роженицы с помощью концентрации, – Торнтон поднялась, отряхнув юбку. – Так, чтобы она очень глубоко вдыхала при начале схватки и медленно и сильно выдыхала, помогая себе тужиться.

«Что?» – чуть не вырвалось у меня. Нэн уверяла, да и не только она, что никакое магическое воздействие на другого человека невозможно в принципе. Поэтому я с сомнением посмотрела на Торнтон, а потом – на Честер. Еще одна девочка, Боунс, подняла руку.

– Да, Боунс? Что-то хочешь добавить?

Может, она что-то мне прояснит, подумала я.

– Это называется «синхронная концентрация», госпожа Гэйн, и это сложная техника, когда роженица должна сконцентрироваться сама. А это непросто, потому что ей больно.

– И что делает лекарница?

Впечатление, что это девочки учили меня. Наверное, так и было, но мне очень хотелось узнать, как же все-таки осуществляется это воздействие и не применяет ли его Лэнгли... ко всем нам. Я решила схитрить, если не получу сейчас четкий ответ.

– Лекарница успокаивает роженицу. – Боунс насупилась. Она, казалось, сочла, что я хочу ее на чем-то подловить, но мои мысли были далеки от того, чтобы поставить кому-то низкие баллы. – Синхронная концентрация невозможна, если роженица не подчиняется лекарнице и не слушает, что та говорит.

Я могла узнать об этой технике у госпожи Джонсон. Но я опасалась, что от любопытства и испуга до конца занятия не доживу.

– Что делать, если роженица испытывает настолько сильные боли, что лекарница не может с ней справиться?

– Используется метод «погружения», – перебила Боунс Честер. Она с того момента, как та начала отвечать, порывалась вмешаться. – Лекарница проговаривает технику концентрации, сейчас... – она присела, взяла тетрадку и перелистала ее. – Госпожа Крэйг не просила это выучить к сегодняшнему занятию, – прибавила она на всякий случай. – «Глубокий вдох, боль уходит, превращается в воздух в груди, потом счет, потом: резкий выдох, сильный, на низ живота»...

– Возможно ли с помощью концентрации корректировать течение родов и воздействовать на разум роженицы? – напрямую спросила я, и Честер растерялась.

– Нет, госпожа Гэйн. Поэтому это опасно. Если лекарница потеряет контроль над течением родов, могут погибнуть и роженица, и плод.

Наверное, я могла тоже перевести дух.

– Почтенная Джонсон говорила, что примерно половина родов – неблагополучные по вине лекарницы, – негромко заметила Торнтон, – если она потеряет над роженицей контроль. И способов возврата этого контроля не существует.

Это было печально. Но этот факт я приняла безропотно, а вот то, что девочки знали больше меня, задело. Не потому, что я стремилась объять необъятное или мое образование было хуже, вовсе нет, но я на самом деле никогда не интересовалась возможностями магии. Использовала свои невеликие таланты в быту, да и то с переменным успехом. Не каждая девочка в Школе была магически одарена, большинство ничем от меня не отличались и были не в состоянии даже согреться так же, как и я, но они знали, на что магия может быть способна.

Это был огромный пробел, и сейчас, чтобы унять терзавшую меня мысль, мне пришлось учинить целый допрос. Девочки восприняли это как должное, возможно, так их опрашивали каждый раз.

– Сегодня вы должны были изучать более сложную тему? – Я жестом разрешила сесть и поставила всем по десять баллов. – Может быть, кто-то уже успел прочитать учебники?

Надежды на это было немного.

– Я читала, как нужно действовать при быстрых родах, – опять поднялась Торнтон. – Мы вместе с Мэдисон...

Она замолчала, а по классу пронесся шепоток.

– Расскажи нам? – предложила я. Девочки опять волновались, и не то чтобы меня беспокоило, что у нас сорвется занятие, нет, все равно от меня не было никакого проку.

– Ну, Мэдисон очень интересуется акушерством, госпожа Гэйн, – медленно проговорила Торнтон. – Ее мать чуть не умерла при родах и потеряла брата Мэдисон.

Я быстро предположила самое худшее, но прикинуть, кто в нашей Школе мог оказаться отцом ребенка, не успела. Разве что Криспин...

«Сущие, теперь еще и он...»

– Есть волчий корень, – Торнтон обликала губы, – это сорняк, из него можно сделать сильное снадобье. Оно замедляет течение родов, и Мэдисон очень хотела попробовать его сварить, даже договорилась с госпожой Коул. Я не знаю, на ком она собралась его проверять...

Кто-то хихикнул.

– Ничего смешного, – оборвала я. – Многие снадобья могут храниться годами, и не стоит забывать, что к нам может прибыть любой человек за помощью. – Таких случаев никто не помнил. – И как это снадобье поможет при концентрации?

– Оно уменьшает интенсивность и частоту схваток...

Я могла представить, что Мэдисон это было действительно интересно, настолько, что она полезла в учебник, но...

По крайней мере, у нее мог появиться мотив сбежать из Школы. Если я не ошиблась, пусть и предпочла бы оказаться неправой.

Нэн в иные дни любила рассказать легенды Школы Лекарниц. Так, например, монахинь не всегда спасал обет целомудрия, но матери-настоятельницы не церемонились. Возможно, что Мэдисон, зная об этом, не захотела для себя подобной судьбы?

И так как из возможных кандидатов были только Фил, Арчи и – Криспин, я опять подумала, что его смерть не случайна. Мэдисон хотела убежать вместе с ним? И что случилось? Его ударила лошадь, а Мэдисон не смогла сама ее оседлать? Испугалась или не умела? Или Криспин отказался бежать, и тогда Мэдисон защитила себя и своего ребенка так, как умела?

Торнтон сказала, что Мэдисон лучшая по акушерству. Давно ли она прониклась этой дисциплиной и просто ли так? Но почему она не возражала, когда я приказала ей поставить тяжелую лестницу?

– Госпожа Гэйн?

Я вздрогнула и очнулась. Я совершенно не слышала, что рассказывала Торнтон, может, что-то важное, но может, и нет. Сейчас она смотрела на меня с замешательством, расценив мою реакцию как недовольство ее ответом.

– Мы еще не проходили этот состав, – извиняющимся тоном добавила она, и я с облегчением кивнула.

– Да, хорошо, ты молодец, садись. Уверена, что Почтенная Джонсон поможет вам разобраться, если вы хорошенько попросите.

Кто бы еще мне помог разобраться...

Кто-то робко постучал в дверь. Было похоже на Арчи – он осторожничал во время занятий, и я встревожилась. Что-то случилось, просто так он не стал бы тревожить нас.

Стук повторился.

– Я сейчас вернусь.

Когда я открывала дверь, у меня было чувство, что Арчи принес ужасную весть.

Глава восьмая

Я поспешила выскользнуть из класса. Чем меньше услышат девочки, тем лучше.

И как только я закрыла за собой дверь и обернулась, то поняла, что не всегда худшее – то, что предполагаешь. Реальность может оказаться куда кошмарнее.

– Госпожа администратор, – зашептала Мэдисон, – простите. Я думала, что я успею на занятие.

Я смотрела на нее расширившимися от ужаса глазами, сознавая, что гибель Криспина – не самое страшное, что могло сегодня произойти. Платье изорвано, руки в крови, в руках...

– Что это у тебя?

– Волчий корень, госпожа Гэйн. Его надо было успеть выкопать до того, как затопит низины. А у меня сегодня дежурство по кухне. Я... я сорвалась в овраг на обратном пути и еле выбралась, и корень бросить тоже не могла, я...

Она не плакала, не выглядела испуганной. Раздосадованной, и ей было, возможно, больно. Из Школы не отчисляли за нарушение дисциплины, а заставляли отрабатывать провинности – на кухне, в саду, в конюшне, в теплицах, в прачечной. И чем серьёзнее проступок, тем суровее наказание, но это все равно только время, проведенное за дополнительной нелегкой работой, потому что дежурства у девочек были всегда. Из персонала у нас были лишь повариха Люси, Арчи, Фил и Криспин.

Криспин – минус один.

Я махнула рукой и заглянула в класс.

– Поработайте над материалом прошлого занятия, я скоро вернусь.

У меня и сомнения не возникло, что никто не будет концентрироваться, но значения это не имело.

– Как ты вышла? – спросила я, стараясь не злиться. Мэдисон нашлась, это прекрасно, этому стоит радоваться. Она расцарапала руки, и раны лучше промыть, но не более. – Что была за спешка?

Ответить она не успела, я коротко постучала в дверь класса грамматики. Джулия повернулась ко мне, отрицательно мотнула головой, я в ответ сделала непонятный, но убедительный жест и кивнула за спину. Джулия просветлела и вернулась к занятию, будто я сообщила что-то абсолютно не значащее.

Я не винила ее, что она мне ничего не сказала. Потому что, так или иначе, Джулия проявила хоть какое-то беспокойство, остальным судьба Мэдисон была безразлична. И сама я никого не поставила в известность – нашла я Мэдисон, не нашла, где я вообще и почему я там оказалась, а гибель Криспина и приказ Лэнгли – оправдание так себе.

– Я подумала, что успею вернуться, – захныкала Мэдисон. Больше надеюсь, что я не отправлю ее в прачечную на неделю. – Госпожа Коул согласилась сварить со мной одно блюдо...

Я буквально тащила ее на второй этаж, в кабинет акушерства и хирургии. Госпожа Джонсон была самым подходящим человеком. Ни лишних вопросов, ни издевательских ухмылок.

На лестнице Фил копошился с ведрами. После ночного происшествия он не испытывал желания куда-нибудь лезть, а увидев нас с Мэдисон, сделал вид, что ничего не заметил. Я запоздало подумала, что это, весьма вероятно, не первая самовольная отлучка студентки из Школы даже за то время, что я работаю здесь, и то, что я об этом не знала, говорило только о том, как мало меня касалось все, кроме моей работы.

– Фил, я хочу, чтобы ты запирал чёрный ход, – распорядилась я, и мне было плевать, что сказал бы об этом Лэнгли. – На ключ. Постоянно.

Фил поставил ведро и кивнул, чем еще больше укрепил мои подозрения: Мэдисон не первая, и сейчас просто сезон – сам по себе опасность, и смерть маленькой Лайзы Кин.

– Сделаю, госпожа администратор.

Я не поверила, но мое дело было сначала приказать, потом – проконтролировать.

В классе акушерства и хирургии шло занятие, и госпожа Джонсон раздраженно отчитывала кого-то из девочек. Слышно ее было уже от лестницы.

– Детка моя, он у тебя уже умер! Не мучай покойника, два балла, один за сострадание, второй за красивые глаза! Бедняга Джонни, за полчаса уморили его четыре раза! Следующая, ты, вот не вижу тебя, ты кто?

Мэдисон хихикнула, потом потянула меня за рукав:

– Госпожа Гэйн, пожалуйста, я попрошу Торнтон обработать мои царапины! Со мной ничего серьезного, я просто руки ободрала!

Это я видела, но хотела убедиться, что все именно так, как она говорит.

– Ты кого-нибудь видела? – спросила я, хотя не поручилась бы за ее искренность. – Во сколько ты вышла?

– В четыре утра. Я все пыталась заснуть, а всем не терпелось обсудить, как спасали Филадельфию. На улице шел такой ливень, что я поняла – если я не выкопаю корень сегодня, у меня уже ничего не получится. Это мой последний год в Школе, а я хотела научиться варить это снадобье. Стремительные роды – это очень опасная вещь, госпожа Гэйн...

Голос ее дрогнул, и я вспомнила, что говорила Торнтон. Может быть, Мэдисон и не лгала.

– Ты видела кого-нибудь?

– Нет, госпожа Гэйн. Вы про зверей? Они уходят к этому времени, им нечего есть, все затоплено...

Я услышала, как внизу хлопнула дверь – вернулись Лэнгли и Нэн. Потом Фил уронил ведро. Я посмотрела на часы в коридоре: до конца занятий оставалось десять минут. Потом я постучала в дверь кабинета акушерства и хирургии. Госпожа Джонсон уже пыталась очередную жертву.

– Кривые руки, Каспер! Куда ты накладываешь жгут? На шею? Сущие... все, дальше можешь его не лечить.

– Госпожа Джонсон?

– Единица! Просто потому, что что-то я поставить тебе должна! – Потом она повернулась в мою сторону и вытянула шею. Сейчас на госпоже Джонсон были надеты очки, но я могла бы поклясться – она узнала меня по запаху. – Стефани, детка, только не говори мне, что Фил опять где-то застрял.

– Можете на минутку выйти ко мне? – попросила я, и госпожа Джонсон охотно слезла с кафедры.

– Не умеют работать самостоятельно! – пожаловалась она. – Дала прочитать материал – куда там, думают, что я их тут обучу всему, а учиться придется еще и по книжкам!

Она вышла в коридор, и я успела закрыть дверь, полагая, что влетит сейчас и Мэдисон. Но госпожа Джонсон только всплеснула руками.

– Волчий корень! – ахнула она и практически выдрала из рук Мэдисон добычу. По привычке она его обнюхала и вынесла свой вердикт: – Хороший, свежий! Это как же ты его вытаскивала, детка, он на ярд почти в земле сидел!

Что бы ни произошло, я верила огромному опыту госпожи Джонсон, а она не видела в ранах Мэдисон ничего такого, о чем стоило бы переживать.

– Пойдем, пойдем, посмотрю твои руки. И потом переоденюсь. Стефани, положи корень в мой ледяной шкаф, я вернусь, найду эту клушу Коул, пусть только попробует сказать, что у нее неотложное дело. Ах, какой корень, хорош, пойдем, детка, – и она еще более бесцеремонно,

чем я, втокнула Мэдисон в соседнее помещение – как раз пустующий класс кармической диагностики, а я осталась торчать посреди коридора с волчьим корнем в руках.

Все самое интересное проходило мимо меня, и я пока не определилась, радоваться мне тому, что течение моей жизни не нарушено, или возмутиться, но кому я могла высказать свои возмущения, разве что Сущим, которым были абсолютно безразличны мои надежды и чаяния.

За годы жизни в Анселских Долинах я стала неверующей, впрочем, там это было в порядке вещей. Здесь же за хулу можно было получить пару лет каторги, и недовольство бездействиями Сущих я предпочитала держать при себе.

Девочки – средний класс, от четырнадцати до шестнадцати лет, – жались за партами, а на возвышении перед кафедрой лежал Джонни – многострадальная кукла, на которой поколения студенток тренировались делать перевязки и элементарные операции. Джонни придумал Фил, и я подозревала, что он каждый раз создает нового голема, потому что учебный год не успел начаться, а Джонни выглядел уже сильно потрепанным, и правая нога у него почти отвалилась.

Под настороженными взглядами я прошла к окну и положила волчий корень в ледяной шкаф.

– Когда занятие закончится, – предупредила я, – выходите из класса спокойно и не кричите.

Пока я бежала вниз, успела подумать над следующим. Мэдисон вышла через черный ход, который далеко от конюшен и ближе к лесу. Когда умер Криспин? Мэдисон долго не было, она промокла и не продрогла лишь потому, что была привычна к сырости и холоду, а еще умела хорошо концентрироваться. Если Нэн не ошиблась и сказала «несколько часов» не для красного словца, то Мэдисон могла заметить убийцу Криспина... И не понять, что видела. Или кого.

На последней ступеньке я остановилась. Это было уже чересчур смело – считать, что Криспин убит. Он погиб, потому что его ударила лошадь, у меня нет оснований не верить Нэн.

Занятия кончились, студентки заполнили холл первого этажа. На переменах Школа напоминала мне мой университет – многолюдно, шумно и весело, на самом же деле у нас училось всего пятьдесят пять студенток, и весело в Школе почти не бывало. Но я не видела ни Торнтон, ни Честер, и это значило – Нэн успела зайти в класс до конца занятия, я ее упустила и теперь буду терзаться в догадках до самого вечера.

Мэдисон нашлась, и даже смерть Криспина теперь не казалась мне большой бедой. Легко получилось себя убедить, что несчастья случаются, порой – слишком часто.

У меня была работа, которая в том числе заключалась в том, чтобы раздать преподавателям классные журналы, и я направилась к кабинету директора Лэнгли. Мне не хотелось туда заходить, но я себя пересилила. Лэнгли вряд ли мне что-нибудь скажет, но – я кивнула своим мыслям – я смогу сообщить ему, что студентка нашлась.

У двери торчал Арчи, на мое приветствие он не ответил, и я подумала, что у бедного старика шок. Я коротко стукнула в дверь и вошла, не дожидаясь приглашения. Лэнгли был не один, и я уже в коридоре это услышала, но не считала, что прерву важный конфиденциальный разговор.

– Нет, господин хороший, да кто бы вы ни были! Я потеряла малышку Лайзу, чем вы хотите меня напугать? Я не стану перебираться в это насквозь прогнившее здание, моим растениям нужен постоянный уход!

Крики, вопли и раздражение – такая же примета Школы Лекарниц, как протечки и холод. Лэнгли об этом еще не знал, он был мрачен, рассеянно кивнул мне, и по его лицу мне стало понятно, что дело, возможно, серьезнее, чем я вообразила. Спрашивать я не стала.

– Она нашлась, сэр, – сказала я, решив не выдавать Мэдисон. – Она была на улице с позволения преподавателя, искала ингредиент.

– А, – тут же забыла свой резкий тон госпожа Коул. – Мэдисон отыскала волчий корень? Вот же настырная. Ладно, пусть приходит, раз обещала, научу.

Она боком протиснулась в дверь. Ей было далеко до объемов госпожи Лидделл, и все равно я подумала, что в темноте их можно запросто перепутать. Арчи, очевидно, ждал своей очереди, потому что сразу вбежал в кабинет, дергая плечами и морщась, будто от боли.

– Вы зря мне не верите, господин директор. Спросите кого хотите, я в темноте вижу мышь.

Лэнгли кивал в такт его словам. Волосы его были мокрыми, слегка вьющимися, и вода капала с них на темный сюртук и на пол.

– Говорю вам, я его видел, – настойчиво продолжал Арчи. – Не первый раз я его видел, так почему ничего не сделал, спросите вы, я отвечу – я хочу дожить отпущенные мне Сущими дни.

«О чем это он?» – прочитала я в недоумевающем взгляде Лэнгли.

«Не имею ни малейшего представления», – постаралась передать ему я.

– Глупая Коул не намерена прятаться в безопасном месте, я скажу – спрячьте меня! Спросите кого угодно, нельзя будить древнее зло! Нельзя было будить это древнее зло!

Глава девятая

«Он тронулся от этих смертей умом», – подумала я.

– Арчибальд, – мягко, в самом деле как человеку скорбному разумом, сказал ему Лэнгли, – Криспин, возможно, был вашим другом. Но поверьте, что это всего лишь несчастный случай.

– Третий случай! – Арчи выставил вперед руку с поднятым вверх указательным пальцем, для пушей убедительности потыкал чуть ли не в Лэнгли. – Третий, господин директор! Здесь нет жизни! Больше жизни здесь нет!

Лэнгли поверх его головы посмотрел на меня, но я ничем не могла помочь им обоим. Ни о каком древнем зле мне слышать не доводилось. Я была не уверена, что в принципе настроена вникать в байки и легенды. Не сейчас.

– Я буду жить здесь, – отрезал Арчи, быстро поклонился Лэнгли как директору и, шамкая что-то себе под нос, вышел, почему-то хлопнув на прощание дверью.

Я развела руками.

– Он помутился, – предположила я, – но если хочет, пусть живет. Фил может освободить ему комнатку на втором этаже, там даже есть окно и она хоть немного, но греется. И, простите, мне нужно раздать журналы преподавателям.

Лэнгли обернулся к столу, давая понять, что я вольна брать что угодно. Меня настораживал его взгляд.

– Это правда? Что Криспин погиб случайно?

– Как мне... как мы с госпожой Крэйг выяснили, он, скорее всего, поскользнулся на лошадином навозе и упал, напугав этим лошадь. Госпожа Крэйг сказала, что именно эта кобыла пугливая и достаточно нервная. На ее копыте действительно кровь... Но случаи похожи, верно?

«Мы с госпожой Крэйг». Меня покорило это уточнение. Лэнгли словно специально подчеркнул это, но зачем? Замечания Нэн относительно лошади были важны потому, что она давно жила в Школе?

– Упала девочка, – продолжал Лэнгли, – потом Дама Рэндалл. Теперь Криспин. Вы верите в это древнее зло?

– Я знать не знаю ни о каком зле, – призналась я чуть более резко, чем следовало бы. Все еще чувствуя, как он на меня смотрит, я собрала журналы и прижала их к себе, будто закрылась. Не от зла, от самого Лэнгли.

– Я тоже не верю в легенды, – задумчиво произнес он. – А вот Арчибальд, кажется, верит. Знаете, что он сказал, когда прибежал за нами в конюшню? Он пришел как раз в тот момент, когда мы нашли тело Криспина. Он сказал, что ждал этой смерти. Глупо, да?

Я кивнула. Глупо, но что ожидать от старика, который почти всю жизнь провел в этой глуши?

– Он сказал, что видел это зло. И в ту ночь, когда погибла девочка, и потом, когда пострадала госпожа Рэндалл. И сегодня ночью видел его тоже – я так и не понял, когда именно, до моего приезда или позже, но какое это имеет значение?

Никакого, согласилась я про себя. Лэнгли хотел от меня чего-то добиться? Я первый раз в жизни слышала об этом древнем зле. А Арчи... Арчи мог не рассчитать количество настойки, только и всего.

– И не сказал, что это, как оно выглядит. По-моему, он боится говорить...

– Вы сообщите преподавателям? – больше напомнила, чем спросила я. Лэнгли отнесся к словам Арчи серьезнее, чем оно того стоило. – И... наверное, надо что-то сделать с телом?

– А что стало с телом девочки?

– Ее похоронили. – У меня появилось дикое, животное желание сбежать. Лэнгли был и спокоен, и озабочен одновременно, поэтому мне казалось, что я неправильно понимаю его. Где-то я ошибаюсь в том, что он чувствует или замышляет. – Здесь есть старое кладбище еще со времен монастыря. Я сейчас найду Филя и Арчи и...

– Филю я уже сказал, – остановил меня Лэнгли. – Он даже ведро уронил, но пошел за лопатой. – Он помолчал. – Сядьте, госпожа Гэйн. Я хочу спросить вас кое о чем.

За окном был день. Хмурый, холодный, слякотный, но день, пусть и начавшийся с очередной трагедии. В Школе было полно людей. Лэнгли не проявлял нетерпения, агрессии, злобы, и я не могла объяснить себе, почему я не хочу оставаться с ним один на один. Но спорить я не стала. Мне ничего не грозит, а пока он не скажет, чего хочет, я не узнаю совсем ничего.

Я и темноты не боялась.

– Расскажите мне, с кем мне придется иметь дело?

Только Лэнгли пугал все сильнее. Он вел себя так, как вести был не должен.

– Вы про преподавателей?

Лэнгли кивнул. Мне постоянно чудилось, что он порывается улыбнуться, но сдерживает себя. Поводов, действительно, не было.

Он тряхнул головой, прислонился к столу, хотя мог бы сесть, но не стал. Я сидела прямо, все еще прижав к себе журналы, и не знала, с чего начать.

Победило чувство, которое я даже не смогла верно назвать, оно проснулось во мне внезапно.

– Энн Крэйг, – проговорила я. – Маркиза Крэйг, ее титул действующий. Выпускница Высшей Женской Школы, преподает концентрацию, и я не знаю, почему она здесь.

Лэнгли наклонил голову. Ждет продолжения, поняла я, и торопить меня не собирается. В коридорах давно стало тихо – начались занятия.

– В Школу мало кто идет по собственной воле, так? – спросила я, но Лэнгли только пожал плечами. Вот об этом он просто не мог не знать, и меньше всего мне нравилось, что он слушал. И как слушал, будто бы изучал. – И я не знаю, почему здесь оказалась Энн Крэйг, когда она единственная наследница, ее никто не может ни принудить к браку, ни ограничить в средствах.

Я никогда не спрашивала Нэн об этом. «Она умна, с ней интересно проводить время и она сильный маг», – добавила я про себя.

– Госпожу Крэйг любят студентки. Она прекрасно преподает свою дисциплину. Почтенная Антония Лора Джонсон, – быстро переключилась я. – Как вы понимаете, сэр, она была монахиней. После того, как Священное Собрание исключило Школу из ведения монастыря, перед ней, как и перед прочими преподавателями, встал вопрос – остается она Дщерью Сущих или продолжает учить студенток. Она выбрала преподавание...

Лэнгли опять еле сдержал улыбку, и эта его манера никак не хотела укладываться в то, что я знала о власти предрежащих в Дессийских Перевалах. Пусть сложно говорить о власти полноценной, но Лэнгли как директор... если действительно был директором, а не самозванцем, в Школе власть имел неограниченную.

– Это ведь она вчера заставила меня снимать Филя?

И ни малейшего недовольства?

– И, кажется, она перепутала меня с беднягой Криспином.

– Она плохо видит, – кивнула я, – а вы похожи ростом. – И тут мне показалось странным, что госпожа Джонсон смогла их спутать. Она больше нюхала, когда была без очков, а от Криспина – да простят меня Сущие за такие мысли о покойном – несло лошаадьми. Что же, госпожа Джонсон могла разыграть нас всех, и Лэнгли в том числе, нарочно. Показать, кто тут настоящий хозяин.

– Насколько я знаю, она на время покидала Школу. Лет на десять, может, больше, она изучала акушерство и хирургию. Монахиням возбранялось заниматься подобным. И, – прибавила я, – Почтенная Джонсон знает о Школе все.

– Возможно, про древнее зло она знает тоже?

Шутил Лэнгли или был серьезен, я не поняла. Госпожа Джонсон, конечно, должна была что-то слышать, если Арчи не выдумал себе это зло с пьяных глаз. И я об одном только сокрушалась – что я вряд ли буду присутствовать при этом разговоре.

– Спросите ее, господин директор. – Я слегка улыбнулась, и Лэнгли, словно ему позволили, широко улыбнулся в ответ – но слишком коротко, тут же стер улыбку, сухо кивнул. – Джулия Эндрюс преподает грамматику. Она тоже выпускница Высшей Женской Школы, вдова, потеряла мужа и двоих детей при эпидемии. Кажется, ей здесь нравится, и она добрый человек.

– Вы никому не дали такую характеристику, – заметил Лэнгли, и я упрекнула себя, что и в отношении Джулии не стоило этого делать.

– Госпожа Эндрюс вместе со мной искала Мэдисон, – пояснила я и не стала вдаваться в подробности. Зато поняла, о ком надо сказать еще. – Госпожа Кора Лидделл, преподаватель анатомии. Она дочь врача, это все, что я о ней знаю. Не самый приятный человек.

– Она едва не погибла тоже?

Я захлопала глазами и не сразу сообразила, о чем меня спросил Лэнгли.

– Она поскользнулась на том же месте, что и госпожа Рэндалл... Все преподаватели в Школе гораздо дольше меня. Даже госпожа Крэйг, вам стоило, вероятно, расспросить ее?

С моей стороны это было неслыханной дерзостью, но я сознательно пошла на нее. Лэнгли должен был сорваться и указать мне на мое место, но он этого делать не стал. Может быть, обладал завидной выдержкой, может, у него были какие-то цели, о которых я не знала и знать не могла.

– Простите, сэ, мне все-таки нужно отнести преподавателям журналы, – я встала, не дожидаясь разрешения. Я и так сказала достаточно, ему будет над чем подумать. И мне тоже хотелось подумать – и узнать, если повезет. Хотя бы про это древнее зло. – Возможно, вы предпочтете, чтобы я попросила всех собраться в преподавательской комнате?

– Наверное, госпожа Коул уже успела всем обо всем рассказать, – не очень довольный предположил Лэнгли, – но если возьмете на себя этот труд, буду признателен...

Я вышла из кабинета в пустой коридор, чувствуя, как Лэнгли смотрит мне в спину. Он должен был вызывать у меня восхищение? К таким мужчинам я привыкла в Анселских Долинах. От таких мужчин я успела отвыкнуть, поняв, что почти для каждой обитательницы Школы Лекарниц она была спасением от множества бед. Мрачным, холодным и неприветливым, но все же убежищем, где можно чувствовать себя в безопасности. Та же Честер, та же Джулия, которой после смерти мужа и детей дорога была кроме Школы одна – в монастырь.

Угадала ли Нэн с тем, что Лэнгли как шкодливого кота отправили сюда, чтобы он перестал совращать благочестивых чиновничьих жен?

Намекала ли на что-нибудь госпожа Джонсон, когда сознательно перепутала Лэнгли с Криспином?

У меня было слишком много вопросов, я не знала, кому их задать, чтобы получить объяснение. Кому я вообще могла доверять? Джулии? Нэн? Госпоже Джонсон?

Случайно или нет погиб Криспин? Когда именно и – кто знает – почему?

Не была ли причиной его смерти шутка госпожи Джонсон, а может быть, в ее словах и скрывался ответ? Она перепутала Криспина с Лэнгли намеренно, их действительно можно было в темноте перепутать, но что если убийца ошибся? Я не верила в рассказы Арчи про древнее зло, но если он вправду кого-то видел? Кто-то приехал следом за Лэнгли и, приняв за него Криспина, решил, что Лэнгли собирается на лошади отсюда удрать? И где этот кто-то? Чего он ждет?

Сколько еще у нас будет смертей?..

Глава десятая

Я недооценила госпожу Коул. А вот Лэнгли разбирался в людях не чета мне, потому что как только я входила в класс с журналами, на меня устремлялись упрекающие взгляды. Госпожа Лидделл была готова обвинить меня лично в гибели несчастного Криспина. Но никто ничего не сказал вслух, лишь после занятия все набились в небольшую преподавательскую комнатку и покорно выслушали сухую, безэмоциональную речь Лэнгли, больше напоминающую военный или жандармский рапорт. И непохоже, чтобы хоть кто-то испытал по этому поводу печаль.

Джулия кусала губы, но вряд ли дело было в Криспине, просто все это значило, что кому-то – а кому же еще, кроме студенток, – придется взять на себя заботу о лошадях. Госпожа Джонсон неодобрительно пыхла, и не успела я озадачиться причиной ее недовольства, как она ее прямо озвучила: она хотела пойти и самолично взглянуть на тело. Спорить с ней Лэнгли не решился, наверное, после того, как я дала ей такую значимую характеристику, и в итоге мы отправились четвером – Лэнгли, Нэн, которой было интересно мнение более опытной госпожи Джонсон, сама госпожа Джонсон и я. Меня никто не звал, я пошла, пользуясь тем, что я оставалась администратором Школы, при госпоже Рэндалл или при Лэнгли.

Это было скверной идеей – смотреть на тело, я и не смотрела, отвернулась и ограничилась короткими замечаниями госпожи Джонсон. А ей было мало осмотреть самого Криспина, она наведальась и в конюшню и вынесла безоговорочный вердикт – его убила пугливая лошадь. Вот и след на копыте, и рана, бесспорно, соответствует.

Мне бы хоть немного ее уверенности! И умения не бояться того, что творится вокруг меня.

– Ты чем-то смущена, Стефани, детка? – спросила меня госпожа Джонсон, выбираясь из конюшни на улицу. – Сколько же дерьма, Сущие, сколько дерьма!

– Дерьма хватает, – согласилась с ней Нэн.

– Я про конюшню, девочка, – и госпожа Джонсон остановилась, чтобы заняться своей удивительной трубкой. – Но если подумать, то ты, вне всяких сомнений, права...

Я взглянула на них обеих. Лэнгли стоял позади нас и смотрел на сторожку Арчи. Туда перенесли тело Криспина, а Фил теперь под дождем копал ему последнее пристанище. Арчи за это время успел перетащить нехитрые пожитки в каморку, отведенную ему Филом, и, скорее всего, заливал горе настойкой, оставленной без присмотра.

– Вы что-то слышали о древнем зле?

Я хотела спросить совершенно иное. Например, как мог Криспин, который столько лет, с самого детства, ходил за лошадьми, так глупо погибнуть. Как могла его испугаться лошадь, которая знала его, наверное, по запаху и шагам. Почему вообще одна смерть за другой и можно ли считать происшествие с госпожой Рэндалл счастливой случайностью.

– Побойся гнева Сущих, детка, – госпожа Джонсон по старой привычке монахини дважды провела рукой от моего правого плеча к левому. – К чему сейчас поминать Нечистого? Тьфу ему на хвост.

– Я не об этом. – Она притворялась или действительно не поняла? – Арчи говорил о каком-то древнем зле.

– Это правда, – Лэнгли подошел к нам поближе. – Он заявил, что ждал этой смерти, что видел это зло каждый раз, когда что-то случалось...

– Ему надо рот зашить, – отрезала госпожа Джонсон. – Молодой человек, эти земли святыне волей Сущих. Это монастырские земли, – снисходительно пояснила она.

– Вы умная женщина. – Лэнгли был серьезен. – Вы же понимаете, что монастырская святость не защитит от людского умысла?

Госпожа Джонсон по очереди посмотрела на него, на меня, на Нэн, потом на трубку, которая явно ее подводила из-за сырости и дождя, и глубокомысленно изрекла:

– Договоримся, юные господа, что если мы верим в некое зло, то признаем святость этих земель. Если мы не признаем святость, то не можем верить и в зло, так? В столице модно быть материалистом, хотя в мое время за это грозила каторга.

– Я верю в то, что видят мои глаза, – озабоченно возразил Лэнгли. – Три случая, а если считать госпожу Лидделл...

– Госпоже Лидделл надо поменьше жрать! – каркнула госпожа Джонсон. – И будьте последовательны, юноша, вы видели один-единственный труп!

Она сердито подобрала юбки так, что стали видны грубые кожаные сапоги, совсем не монашеские и вообще не женские, и пошлепала к Школе по лужам, не разбирая дороги.

– Она расстроена, – сказала Нэн и закуталась в мантию. Я взглянула на нее с завистью: у нее была дорогая, мягкая мантия, спасающая ее от дождя, а я промокла в очередной раз. – Мы все расстроены, каждый по своей причине. Считаете, что здесь небезопасно, господин директор?

Лэнгли пожал плечами. «Если бы я знал», – так я истолковала его жест, но я и сама не имела представления, что ответила бы на его месте.

Да, три жертвы, две смерти. Но – чьи жертвы? Не древнего же зла?

– Я ничего об этом не знаю, – продолжала Нэн. – Я про твой вопрос о зле, Стефани... Меня это безмерно удивило, но... пристрастия Арчи доведут и не до таких видений. Дерево, например...

Она говорила искренне. И все равно я чувствовала, что что-то не так. Но Нэн не обратила на мое полное сомнений лицо никакого внимания и ушла в Школу следом за госпожой Джонсон. Я постояла с полминуты, потом вздохнула и, усилием заставив себя не оборачиваться к Лэнгли, тоже пошла под крышу. Пусть протечную, пусть под этой крышей холода не меньше, чем снаружи, но там спокойнее. Безопаснее.

Потому что так считал Арчи, Нечистый ему под кровать.

Обычно у студенток по три занятия до обеда, а потом – дежурства и внеклассные задания, но иногда бывали исключения. И, хотя это было моей обязанностью, сегодня Джулия справилась без меня, распределив всех куда нужно. Девочки из младшего класса, весело щебеча, тащили мебель из молельни в котельную.

– Дурость! – Что Кора Лидделл окажется недовольна – можно было заключать пари. Если бы к ней посватался сам король, она нашла бы повод для возмущения. – Дурость удумали! Не хватит этого на растопку! – Потом она увидела меня. – Да скажите вы этой старой дуре, что нельзя так топить! Останемся без дров! Зима на носу!

– Кто дал распоряжение? – Я и так поняла, кого госпожа Лидделл имеет в виду, но сочла за лучшее сделать вид, что не имею ни малейшего понятия. – Не то чтобы это было бессмысленно, но Школа насквозь продувается ветром...

– Да наша монашка, Сущие возьми ее душу! Влетела и приказала тотчас протопить Школу, а так как вас вечно где-то носит, душа моя, то она велела вынести мебель из молельни!

Я выставила руки вперед, давая госпоже Лидделл понять, что она чересчур много себе позволяет.

– Что же, – смиренно ответила я, – госпожа Джонсон знает эти стены лучше. Может быть, это немного поможет избавиться от сырости.

– Да чему это поможет, Сущие, за что вы наказали меня! – она картинно воздела руки к потолку, развернулась и быстро куда-то ушла. Я стояла и думала, почему госпожа Джонсон вдруг озаботилась обогревом Школы.

Где она могла сейчас быть? У себя в классе? Лэнгли так и не пришел, и я решила, что он отправился к Филу.

Но еще можно было найти Арчи.

– Ты не видела Арчи? – спросила я пробегающую мимо студентку, та только мотнула головой. Это против школьных правил – она должна была остановиться и обстоятельно ответить мне, но сейчас шло что-то вроде мобилизации. Спасибо госпоже Джонсон.

Ее я действительно нашла в классе. Она сидела, уткнувшись в журнал, и выставляла оценки, тихо ругаясь себе под нос.

– Госпожа Джонсон? – позвала я. Разумеется, я не собиралась выговаривать ей за самоуправство, просто хотела узнать. – Вы приказали протопить Школу? Зачем?

– Зачем? – госпожа Джонсон удивленно вытянула шею и посмотрела на меня, словно не узнавая. – Да что ты, Стефани, детка, давно было пора!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.